

АЛЬФРЕД БРЕМ

Жизнь животных

*Большая иллюстрированная
энциклопедия*

Легендарная
книга
о животных

Млекопитающие • Птицы • Пресмыкающиеся • Земноводные
• Рыбы • Членистоногие • Моллюскообразные

**Альфред Эдмунд Брэм
Н. Михайлова**

**Жизнь животных. Большая
иллюстрированная
энциклопедия**

**Серия «Подарочные издания.
Энциклопедия Брема и Фабра»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67922997

Жизнь животных. Большая иллюстрированная энциклопедия: Эксмо;

Москва; 2022

ISBN 978-5-04-172793-2

Аннотация

В этом издании легендарных трудов Альфреда Брема собраны самые популярные виды млекопитающих, птиц, рыб, пресмыкающихся, земноводных, членистоногих и моллюскообразных. Вы откроете для себя неизведанный мир фауны, найдете множество интересных фактов и историй из жизни представителей животного мира со всех уголков нашей планеты. Популярные классы животных разбиты по отрядам для удобства поиска, а уникальные иллюстрации

художников-анималистов погрузят вас в атмосферу удивительных приключений и открытий.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	8
Природа как театр жизни животных	13
Млекопитающие	25
Общий очерк	25
Отряд I. Обезьяны	53
Отряд II. Полуобезьяны, или лемуры	133
Отряд III. Рукокрылые	152
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Альфред Брем

Жизнь животных. Большая

иллюстрированная

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

A.Aruno, Adriana_R, Albert Beukhof, Alexander Denisenko, Alexander Trost, Ammit Jack, Andrea Izzotti, Andrey Armyagov, anjahennern, Ante Kante, Armelle LL, Arne Beruldsen, Arnon Polin, ArnPas, Arthur Balitskii, Artush, Arunee Rodloy, Bargais, Bildagentur Zoonar GmbH, bluehand, bofotolux, Callipso, Casper1774 Studio, Catchlight Lens, Cavan-Images, Charl A Stafleu, Chilli Productions, COULANGES, Craig Fraser, Dan Olsen, Dan_Manila, Danita Delimont, David Herraез Calzada, Denis Martynov, Dennis J Gaspersz, Dirk Ercken, Dmitrii Kash, Doug McLean, Drozhzhina Elena, ecliptic blue, Edwin Butter, Egoreichenkov Evgenii, Fouad Itani, Francisco J Ramos Gallego, Francois Loubser, frank60, G. D. Lohar, Garmasheva Natalia, Gaschwald, Gerald Robert Fischer, Geza Farkas, guentermanaus, Hein Nouwens, I Wayan Sumatika, Ian Duffield, Ibe van Oort, igordabari, IgorGolovnirov, Imagine Earth Photography, Independent birds, Ingrid Maasik, Islandjems

– Jemma Craig, jeep2499, Jeremy Richards, Johannes Asslauer, Kalaeva, Katja Tsvetkova, khlungcenter, Kima, Kletr, Kletr, kunchit jantana, Kuttelvaserova Stuchelova, KYTan, Laura Alessi, Lebendkulturen.de, LouieLea, Lukas_Vejrik, Luna Vandoorne, Magdanatka, Majna, Marcelorpc, Marek Mierzejewski, Marek R. Swadzba, Martin Hejzlar, Matej Ziak, Matt Bogdan, Merlin74, meunierd, mexrix, Michael Benard, Michail_Vorobyev, Michal Sarauer, mikedray, Mikhail Gnatkovskiy, Milan Zygmunt, mirna, Mogens Trolle, Morphart Creation, Mr.B-king, Mr.Samarn Plubkilang, Mufti Adi Utomo, muratart, Nathan White Images, Natursports, Nick Greaves, Nick Pecker, Nimur, oksana.perkins, OlgaNikitinArt, Ondra H, Ondrej Prosicky, P_vaida, Patryk Kosmider, Paul Looyen, Paul S. Wolf, photomaster, photowind, Piotr Velixar, Pongtawat Photographer, Porojnicu Stelian, RAJU SONI, Rapieff, Rasto SK, rbrown10, reptiles4all, Richard Seeley, Richard Whitcombe, RLS Photo, Robert Adami, Roberto Dani, Rose Waddell, Rostislav Stefanek, Ryan M. Bolton, Samri, Sandra Standbridge, Santhi_Pics, scooperdigital, seasoning_17, Seregraff, Sergey Uryadnikov, Shpatak, Simon Annable, slowmotiongli, Steve Byland, Suvorov_Alex, svetjekolem, Sytilin Pavel, Szczepan Klejbuk, tartmany, Tatiana Belova, Tim Malek, Tobias Hauke, topimages, totalrandomphotos, Travel Faery, Tristan Barrington, Villiers Steyn, Vladimir Wrangel, Volodymyr Goynyk, Vy nguyen 2905, W. de Vries, Wagsy, WitR, Wlad74, worldswildlifewonders,

yamaoyaji, yhelfman, yykkaa, zotovstock, Zsolyomi, Olena
Gaidarzhy / Shutterstock.com Используется по лицензии от
Shutterstock.com

© Н. Михайлова, составитель, 2022

© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

В 1860–1870-х годах любители живой природы получили прекрасный подарок. В свет вышли подряд два издания многотомного труда немецкого зоолога и путешественника Альфреда Эдмунда Брема (1829–1884) «Иллюстрированная жизнь животных. Общий очерк царства животных». В первом издании было шесть томов, во втором – уже десять. Впереди «Жизнь животных» (именно под таким названием работа Брема стала известна во всем мире) ожидало бесчисленное множество переизданий, переводов и переработок.

Казалось бы, что такого особенного в том, что в свет вышло очередное исследование мира животных? Наука в XIX столетии развивалась быстро, и разнообразные интересные книги, статьи и популярные издания появлялись постоянно. Однако информация тогда распространялась с гораздо меньшей скоростью, чем сейчас, фотография все еще представляла собой сложный громоздкий процесс, а путешествия были доступны очень немногим. А значит, появление многотомного издания, описывающего животных различных отрядов и видов, населяющих все земные континенты, в любом случае вызывало огромный интерес. Это произошло еще и потому, что многотомник был великолепно иллюстрирован. Изображения для него создавали лучшие художники того времени, уже принимавшие участие в издании различ-

ных энциклопедий: Густав Мютцель, братья Август и Фридрих Шпехт, Роберт Кречмер. Животные на их иллюстрациях не просто представлены в привычном им антураже – они живут: охотятся, играют, воспитывают потомство. Например, пумы выясняют отношения из-за охотничьих угодий, летучая мышь-вампир изображена на фоне лагеря путешественников, куда она вскоре направится лакомиться кровью лошадей и ослов, а группа бабуинов с интересом изучает какую-то норку в земле. Многие животные и птицы показаны сразу в нескольких характерных для них позах и движениях.

Альфред Брем родился в семье пастора и по совместительству ученого-орнитолога Людвига Брема. С ранней юности Альфред начал путешествовать, изучая животных разных стран. Африка, Средняя Азия, Сибирь, Лапландия – практически каждая поездка заканчивалась изданием статей, очерков и книг о жизни зверей, птиц и насекомых, которые с одинаковым интересом читали и маститые ученые, и натуралисты-любители. Несколько лет Брем заведовал зоосадам в Гамбурге, а также стал основателем Берлинского аквариума – накопленные к этому времени знания вполне позволяли браться за такие сложные проекты. Но главным трудом его жизни и главным памятником всей его деятельности стала «Жизнь животных».

И при жизни автора, и после его смерти эта работа переводилась на разные языки и переиздавалась – в оригиналь-

ном объеме и в сокращении: в одной, двух, трех книгах. Ведь наука не стояла на месте: появлялись новые классификации, менялись некоторые латинские названия, открывались новые виды. В Российской империи «Жизнь животных» впервые перевели и опубликовали в сокращенном виде в 1866 году и впоследствии переиздавали еще и еще. Эти книги пользовались неизменным успехом даже через несколько десятилетий, когда взгляды и выводы Брема, писавшего с позиции современных ему научных взглядов, на основании тех культурных ценностей, которые были близки и понятны человеку XIX столетия, во многом устарели.

Стоит ли читать «Жизнь животных» сейчас? Как стопроцентно научную литературу – нет. Как увлекательную беллетристику, за созданием которой стоят годы напряженного труда, как памятник науки и литературы XIX века – безусловно да.

Конечно, сейчас мы можем найти у Брема множество ошибок и несоответствий – и в области биологии или физиологии животных, и в общенаучных вопросах. Так, если в XIX веке ученые зафиксировали около 2000 видов млекопитающих, то в настоящее время их известно порядка 4500. Или, скажем, зайцы, кролики и пищухи, которых во времена Брема относили к отряду грызунов, сегодня выделены в отдельный отряд зайцеобразных. Кроме того, рекомендации автора относительно того, как нужно спасать укушенного ядовитой змеей, или рассказы о мстительности некоторых

пресмыкающихся далеки от принятых в современной научной и научно-популярной литературе стандартов. Вообще, немецкий ученый (как, впрочем, и большинство его современников) оценивает различные виды животных главным образом с точки зрения их практической полезности. Например, он сурово заключает: «Змеям и крокодилам не должно быть пощады!» Это вполне обычная для той эпохи позиция, ведь в XIX столетии вопросам охраны природы не уделяли столько внимания, как сейчас, и люди нечасто задумывались о том, что многие виды животных достойны жизни хотя бы по причине их крайней редкости.

Разумеется, в изложении Альфреда Брема есть и очень привлекательные черты, и их значительно больше. При всей своей прагматичности автор описывает зверей и птиц почти как людей, называя какие-то виды коварными, глуповатыми или дерзкими, а какие-то – добродушными, преданными, очаровательными в дружбе или даже нежными и трепетными. «Жизнь животных» – это не сухая энциклопедия с таблицами и схемами, а живое, увлекательное изложение с историями из жизни, местными легендами, экскурсами в этнографию, ботанику и даже религиоведение. И при этом оно соответствует научным данным своего времени. Труд Брема – это путешествие по странам и континентам, создающее, как сейчас бы сказали, эффект погружения в жизнь и быт естествоиспытателя XIX столетия.

Предлагаем вашему вниманию сокращенное изложение

«Жизни животных» в переводе и под редакцией профессора Харьковского университета, зоолога Александра Михайловича Никольского, относящееся к концу XIX – началу XX века. Мы постарались сохранить особенности изложения профессора Никольского. В книге используется часть иллюстраций, сопровождавших многотомник Брема в его первых, классических изданиях, и добавлены как гравюры из других энциклопедий, опубликованных в те времена, так и работы современных фотографов-анималистов.

Природа как театр жизни животных

Ничто в природе не вечно; все беспрестанно разрушается и восстанавливается, перестраивается, изменяется. Силы природы медленно, но непрерывно работают в двух направлениях: прежние изменяют или разрушают, новое создают. Деятельность эта проявляется одинаково и в живой, организованной природе, и в так называемой мертвой природе. Стоит только присмотреться к многочисленным явлениям нашей планеты, чтобы уразуметь величие совершающихся изменений и бесчисленные взаимодействия, в которые вступают между собою различные силы природы. Кажущаяся на первый взгляд мертвой, природа в действительности живет полной жизнью.

Перед нами – альпийский ледниковый ландшафт... Тысячи ручьев бегут по поверхности глетчера; из-под земли слышен глухой стон скал, отрываемых ползучим ледником со дна его ложа, треск камней, перекачиваемых невидимой рукой по скатам морен, слышится гром падающих лавин, разрушающих все на своем пути, – все это ясные и отчетливые голоса природы, понятные для просвещенного наукой наблюдателя. Изъеденные и источенные вершины скал, многие миллионы кубических саженьей камня, щебня и мусора,

нагроможденные по сторонам древних хребтов в виде россыпей, мощные водные отложения в устьях рек, изуродованные и разрушенные морские берега, пласты лёсса, залегающие на протяжении многих тысяч квадратных верст, – представляют разрозненные страницы огромной книги геологической летописи.

Могучие силы природы, вода в различных состояниях, ветры, климатические факторы дружно работают в течение многих тысячелетий и производят разнообразные изменения на земной поверхности. Если мы примем это во внимание, то нам становятся понятными многие географические факты, заученные в детстве бессознательно. Мы понимаем, почему к горным хребтам Альп, Урала, к сибирским хребтам всегда примыкают широкие, плоские равнины, состоящие из обломков и щебня, почему по этим равнинам текут со стороны гор реки, почему море на большое пространство мелеет в тех местах, где в него впадают могучие водные потоки, в устьях которых находятся обширные дельты. Для нас становится совершенно понятным и вероятным утверждение геологов, что в предыдущую геологическую эпоху такие горы, как, напр., Альпы, были на 2000 метров выше, чем в настоящее время, что во многих местностях, где в настоящее время простираются плоские равнины, раньше были значительные углубления в виде больших озерных впадин, постепенно заполненные землистыми отложениями рек. Мы знаем, что Женевское озеро 50 000 лет тому назад было вдвое

более, чем в настоящее время, а еще через такой же промежуток времени, вероятно, совершенно заполнится осадками, приносимыми рекою Роной из Альп. Отсюда нетрудно вывести заключение, что со временем высочайшие горные хребты размоются до основания, а современные впадины заполнятся и превратятся в плоские равнины. С другой стороны, тектонические процессы: вулканические явления, землетрясения, вековые колебания суши, а также разрушающая деятельность воды, ветров, неустанно работают над новыми и новыми изменениями лика земной поверхности.

Альпийские горы (Бернский хребет) и озеро Бахальпзее

Так непрерывно изменяется мертвая природа, которая на первый взгляд кажется совершенно неизменяемой, навеки застывшей в тех формах, которые созданы Творцом.

Если теперь мы обратимся к живой, организованной при-

роде, то там найдем еще более наглядное доказательство беспрерывно совершающихся всевозможных изменений, которые приводят к поразительному разнообразию форм растительных и животных организмов.

Долгое время в науке господствовало убеждение, что все эти бесконечно разнообразные формы организмов существуют в неизменном виде от начала веков, но с течением времени многочисленные доказательства заставили изменить это мнение. Еще в начале XVIII столетия ученые убедились в том, что многочисленные окаменелости и отпечатки, похожие на животных и на растения, которые массами находятся в различных напластованиях земной коры, не представляют собой случайной игры природы, но действительно – остатки и следы некогда существовавших на Земле организмов. Внимательно изучая подобные остатки и окаменелости, натуралисты пришли к заключению, что животные и растения прежних эпох значительно отличались от современных нам форм. Стало очевидным, что целые группы организмов, раньше существовавших на Земле, вымерли и, наоборот, в настоящее время мы видим такие формы, которых раньше не было на Земле.

Отличия современных форм от раньше существовавших определились с течением времени с такой ясностью, что знаменитый натуралист Кювье в начале прошлого столетия создал целую теорию катаклизмов, по которой на Земле неоднократно

происходили коренные перемены физических условий, сопровождавшихся окончательным уничтожением всех животных и растений, на смену которым появились путем повторных творений новые организмы.

Однако теория эта продержалась недолго, и на смену ей появилось новое учение о постепенном, непрерывном изменении форм организмов. В настоящее время доказано, что внезапных коренных переворотов в природе не существует, а все изменения происходят медленно, но непрерывно. Многочисленные факты убеждают нас в том, что и в настоящее время непрерывно совершаются изменения в составе растительных и животных царств различных стран. Мы видим, что даже за короткую эпоху исторического существования человека общая картина органической жизни тех или других стран сильно изменилась.

Возьмем для примера Северную Италию. Эта благословенная страна в настоящее время представляется путешественнику одним сплошным роскошным садом. Повсюду оливковые рощи чередуются с апельсиновыми, лимонными, среди них простираются обширные виноградники, окаймленные и разделенные аллеями тутовых деревьев, по склонам гор лепятся итальянские сосны (пинии), кудрявые пальмы, развесистые платаны; гордо смотрящие в поднебесье кипарисы украшают сады, вместе с лаврами, миртами, магнолиями, миндальными и гранатовыми деревьями, персиками и многими

другими. Повсюду кактусы, опунции и оригинальные агавы. Поля, покрытые сочно-зеленым рисом, широколистным маисом, кормовыми травами и лишь изредка зерновыми хлебами, всюду обрамлены рядами плодовых деревьев. Вечнозеленая, с десятками разнообразных колоритов и цветов, смотрится эта роскошная флора в ярко-лазоревоe небо, залитое теплыми лучами блистающего солнца. Ни одно дерево Северной Европы не нарушает гармонии южной флоры этой очаровательной страны.

Между тем существует несомненное доказательство того, что в Северной Италии раньше растительность была иная, и природа не имела такого нарядного вида. Две с половиной тысячи лет тому назад характер природы в Северной Италии был совсем иной. Склоны гор ее были тогда покрыты дремучими лесами, состоящими из деревьев, характерных для северной или средней полосы Европы: елей, сосен, берез, лиственниц, отчасти дубов и буков. Лучи солнца не проникали до земли сквозь густые ветви этих деревьев, и у подножия их, на холодной почве, росли лишь мхи да лишайники. но постепенно, с увеличением населения, леса эти были истреблены, а на смену им появились вышеперечисленные экзотические растения. Лавры, мирты, гранаты и оливковые деревья распространились в Италии из Греции; из Сицилии были привезены кипарисы уже в III веке до Рождества Христова; платаны и пинии привезены с Востока и акклиматизированы в Италии лишь в конце периода республики;

вишни появились впервые во времена Августа, в III веке перенесены лимонные деревья, шелковица и каштаны – в IX веке, померанцы перенесены арабами в XI столетии, в XVI веке португальцы привезли из Южного Китая апельсиновые деревья, а в половине XIX века в Италию привезены мандарины, в XV столетии из Египта был перенесен рис, в XVI столетии – из Америки маис, наконец, в XIX веке перенесены алоэ, агавы, опунции и магнолии.

Перед миллионами этих растений быстро отступали и, наконец, исчезли растения, прежде господствовавшие в стране, так что в настоящее время в этом блестящем обществе южных растений с трудом можно найти одиноко стоящую лиственницу или пихту.

Изменения характера растительности повлекли за собой и коренные преобразования в составе фауны страны. Достаточно сказать, что каждая древесная порода имеет своих животных, исключительно приуроченных к ней, в особенности насекомых и птиц, так что, с исчезновением целого ряда растительных пород, несомненно произошло сильное изменение и в царстве животных.

Только что описанный ход постепенного изменения природы в Италии беспрестанно повторяется и во многих других странах. В течение десятков столетий Европа обменивалась с Азией растениями и животными; с открытием Нового Света установился новый живой обмен, и теперь мы находим на территории Соединенных Штатов Северной

Америки более 700 видов различных европейских растений, а такие американские растения, как, например, картофель, маис, табак, распространены по всему Старому Свету.

Что касается животного населения, то в нем также в широких размерах беспрестанно происходит обмен даже между весьма отдаленными странами. Известны многие примеры, когда животные, завезенные в другую страну более или менее случайно, настолько акклиматизируются в своем новом отечестве, что становятся даже характерными представителями местной фауны. Так, общеизвестен факт сильного размножения лошадей и рогатого скота в привольных травянистых степях Америки и Австралии, хотя эти животные появились там всего четыре столетия тому назад. Лет 100 тому назад из Европы было случайно завезено в Америку маленькое насекомое – гессенская муха, которая теперь производит на полях Америки большие опустошения; страшный бич виноделия в Европе филлоксера всего лет 30 тому назад завезена из Америки; кролики, бесчисленными полчищами истребляющие поля австралийских хозяев, также привезены из Америки.

Все подобные примеры, которых можно было бы привести сколько угодно, наглядно показывают, как может изменяться природа даже в очень короткий, сравнительно, промежуток времени. Но понятно, что перемены эти могут быть несравненно значительнее на протяжении огромного проме-

жутка времени.

В различных частях Европы от времени до времени находят остатки прежней фауны и флоры этой части света. Лет 30 тому назад в Северной Швейцарии открыто было несколько пещер, которые в отдаленные времена служили убежищем для первобытного человека. В них очень часто находят, вместе с костями человека и различными произведениями рук его, также кости современных ему животных. Тщательные исследования этих остатков, сохранных в нанесенной водой почве, с несомненностью убеждают, что в ту отдаленную эпоху в этой части Европы состав животных был совершенно иной, чем в настоящее время. Наука открывает нам следующую картину природы, современной первобытному человеку. В лесах тогдашней Швейцарии паслись совершенно вымершие позднее первобытные быки, туры (*Bos primigenius*) и зубры (*Bison priscus*); рядом с ними ходили стадами северные олени, которые теперь обитают лишь в полярных странах, а также мускусные быки, живущие теперь только в Северной Америке и в Гренландии; каменные козлы, благородные олени, табуны лошадей, гигантские мамонты и носороги, близкие родственники современных слонов и носорогов, которые обитают в Африке и в Южной Азии. Из хищных зверей, кроме волка, лисицы, дикой кошки и медведя, в лесах тогдашней Швейцарии водились также: россомаха и песец, нынешние жители арктических стран, а также и львы, и красная лисица. Трудно даже и вообразить себе в настоя-

щее время столь пеструю фауну этого уголка Европы. Как будто нарочно собрались сюда самые характерные животные со всех концов света, чтобы сложить свои кости в пещерах Швейцарии. Слоны и носороги тропической Азии, африканские львы, мускусные быки арктической Америки, северные олени и песцы полярных стран Европы, лошади среднеазиатских степей собрались вместе в лесах и на полях Северной Швейцарии. И много веков это разнохарактерное общество жило здесь вместе, пока изменившиеся физические условия не разогнали их по отдаленным друг от друга уголкам света.

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы уразуметь, что живая природа, окружающая человека, с течением времени изменяется; на наших глазах происходит истребление целых пород, вымирание видов, распространение новых пород животных и растений в той или другой стране. Если вдуматься во всю совокупность подобных фактов, в изобилии доставляемых нам современной наукой, то становится очевидным, что основным фактором в окружающей нас природе является изменение, перестройка, прогресс.

Существует бесчисленное множество наглядных доказательств, что организмы в течение веков прогрессируют в своей организации, что древние формы обладают менее совершенной организацией, чем современные.

Однако изменения в органической природе не везде совершаются с одинаковой скоростью. В тропических странах современные животные и растения более сходны с древни-

ми, чем формы умеренных или полярных стран. Так, в жарких странах мы в настоящее время находим многочисленные формы растений бесцветковых и однодольных, которые, как известно, были господствующими в прежние эпохи и появились на Земле ранее цветковых и двудольных. В животном царстве тропических стран мы находим сумчатых, однопроходных, лемуру, которые в настоящее время совершенно отсутствуют в умеренном поясе, но были там в древнюю эпоху. Из класса птиц в тропических странах также находятся многие породы, близкородственные к вымершим допотопным животным, как то: страусы, казуары, бескрылы и др. Таким образом, оказывается, что фауна и флора жарких стран менее удалена в современную нам эпоху от форм прежде существовавших, тогда как в странах умеренных и холодных произошли более коренные изменения в составе органического мира.

Если принять во внимание изменение физических условий на Земле, которое происходило в прежние эпохи, то вышеуказанный факт сделается понятным. Действительно, мы знаем, что в одну из предшествующих нам эпох в нынешних полярных странах был такой же жаркий климат, как теперь на экваторе; здесь росли пальмы и тропические папоротники, в море обитали полипы, которые могут жить лишь в теплой воде (20 °C), но с течением времени климат этих стран постепенно изменился, а соответственно новым физическим условиям должна

была измениться организация растений и животного населения; отсюда понятно, почему формы умеренных и полярных стран ушли в своем развитии далее форм тропических, которые и теперь живут приблизительно в тех же самых условиях, как и раньше. Еще большую устойчивость форм животного и растительного царства можно наблюдать на глубине морей. Физические свойства воды – температура, плотность, степень солености – на большой глубине не подвергаются во времени почти никаким изменениям. Отсюда понятно, что растительные и животные организмы, обитающие в глубине морей, имеют большое сходство с самыми древними организмами, которые в своем развитии как бы задержались.

Млекопитающие

Общий очерк

Еще недавно класс млекопитающих считали вполне определенной группой позвоночных животных. Характерными признаками этого класса считали молочные железы, служащие для первоначального вскармливания детенышей, и волосяной покров тела. Однако оба эти признака не могут быть названы существенными, так как, например, у китов волосами покрыта только верхняя челюсть, да и то лишь в зародышевом состоянии, а, с другой стороны, у однопроходных млекопитающих не развиваются настоящие млечные железы, и они вскармливают детенышей молокообразной питательной жидкостью, выделяемой трубчатыми железами без сосков. Тем не менее оба указанные признака являются весьма важными для характеристики млекопитающих. Единственный признак, которым млекопитающие действительно отличаются от всех других классов позвоночных, составляет полная грудобрюшная преграда, отделяющая грудную полость от брюшной; что же касается рождения живых детенышей, то оно свойственно не всем млекопитающим, так как однопроходные, подобно птицам и рептилиям, откладывают яйца.

Скелет у всех млекопитающих построен довольно однообразно. Позвоночный столб резко разграничен на пять отделов: шейный, грудной, поясничный, крестцовый и хвостовой; только у китообразных, которые не имеют задних конечностей, крестца нет. Шейный отдел почти всегда состоит из семи позвонков, причем длина шеи не имеет никакого значения: у жирафы шея состоит из столько же позвонков, как у крота, свиньи и медведя. Грудной отдел столба состоит из 10–24 позвонков, поясничный из 2–9, крестцовый из 1–9, и только в хвостовом отделе встречаются сильные вариации от 4 (у некоторых обезьян и у человека) до 46.

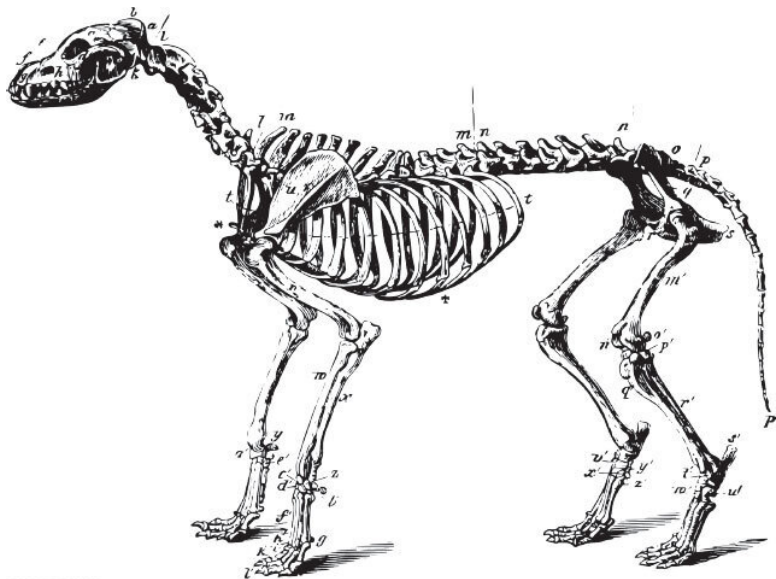
Зачаточные ребра имеются иногда и на других позвонках, но настоящие ребра сочленяются лишь с грудными позвонками и, соединяясь спереди грудною костью, образуют грудную клетку. Череп у всех млекопитающих состоит из одних и тех же костей, которые и сочетаются между собою довольно однообразно, соединяясь посредством швов.

Плечевой пояс состоит из двух лопаток и двух ключиц, хотя последних у некоторых млекопитающих совсем нет (напр., у копытных), у других ключицы не вполне развиваются или заменяются связками, как, напр., у грызунов и некоторых хищных.

Таз состоит из 3 пар костей: подвздошных, лобковых и седалищных, которые плотно срастаются между собой; у китообразных настоящего таза нет, и о нем напоминает лишь пара маленьких косточек.

Передние конечности в большинстве случаев,

наравне с задними, служат у млекопитающих для передвижения по земле, но могут приспособляться и к другому назначению. Так, напр., у тюленей и моржей они превращены в ласты, у китообразных – в плавники, у летучих мышей приспособлены к летанию, наконец, у человека и обезьян – к хватанию. Плечевая кость обыкновенно сильно укорочена. Локтевая развита слабее лучевой и служит для сочленения кисти с плечом. У обезьян и человека лучевая кость сочленена подвижно и делает возможным вращательные движения кисти. Кисть передней конечности состоит из запястья, пясти и пальцев, развитых в различной степени. Запястье состоит из 7 костей, расположенных в два ряда, иногда некоторые косточки между собой сливаются. Число костей, из которых состоит пясть, различно, соответственно числу пальцев, которых у млекопитающих бывает не больше пяти, но часто менее. Первый палец, считая с внутренней стороны, так наз. большой, состоит из двух, а все остальные из трех суставов; только у китообразных число суставов увеличено. Уменьшение числа пальцев начинается с исчезновения большого; у парнокопытных развивается лишь два средних, а крайние недоразвиваются или совсем исчезают; у непарнокопытных более всех других развивается третий палец, а у однокопытных остается только он один.

Скелет собаки

В задних конечностях бедренная кость, которая у человека является самой длинной, у большинства млекопитающих бывает короче голени; из двух костей последней большая берцовая получает преобладающее развитие, между тем как малая берцовая часто совсем исчезает. У некоторых лазящих млекопитающих большая берцовая кость отчасти вращается вокруг малой, подобно лучевой у человека. Предплюсна, как и запястье, состоит из нескольких мелких костей, из которых пяточная снабжена выдающимся назад

отростком, к которому прикрепляется ахиллесово сухожилие; некоторые кости предплюсны иногда сливаются между собой. Кости плюсны и пальцы задних конечностей обыкновенно соответствуют запястью и пальцам передних конечностей, но относительная длина их весьма различна. Одни млекопитающие при хождении касаются земли всей стопой задних ног и всей костью передних; другие ходят лишь на пальцах, тогда как кости плюсны и пальцев приподняты над землей и вытянуты.

Наружный покров почти у всех млекопитающих составляет шерсть, лишь у немногих нет этого покрова, как, напр., у слонов, бегемотов и китообразных. У некоторых шерсть состоит из волос двух сортов: густых, мягких и более коротких, составляющих пух или подшерсток, и более длинных, толстых, составляющих собственно шерсть. У некоторых млекопитающих (у ящера) покров состоит из роговых чешуи, налегающих друг на друга, которые могут приподниматься ошетиливаться. На концах пальцев у млекопитающих образуются роговые выросты – когти, или пластинчатые покровы – копыта. Кроме того, у многих млекопитающих имеются особые роговые образования, как, напр., рога, покрывающие особые костные выросты черепа, небные пластинки, так наз. китовый ус и др. У броненосцев покров состоит из костяных пластинок, составляющих панцирь.

В коже млекопитающих развиваются железы двух родов, потовые и сальные. Первые состоят из

цилиндрических трубочек, нижний конец которых лежит в соединительнотканном слое кожи и свернут здесь в клубочек, а выводной канал с противоположной стороны открывается наружу. Сальные железы имеют мешковидную или гроздевидную форму. Оба рода желез в различных частях тела видоизменяются различным образом и выделяют иногда специальные пахучие вещества. Молочные железы также следует отнести к железам кожи; каждая молочная железа состоит из скученной массы отдельных кожных желез, которые и по своему строению, и по способу образования своего отделения сходны с сальными. Лишь у однопроходных (утконоса и ехидны) молочные железы построены по типу трубчатых желез и, следовательно, сходны с потовыми железами, а не с сальными.

Грудобрюшная преграда, или диафрагма, составляет характерный анатомический признак млекопитающих. Она представляет собою мускулистую перегородку, которая вполне отделяет грудную полость от брюшной, прикрепляясь к позвоночному столбу, ребрам и грудной кости. Диафрагма играет важную роль в процессе дыхания.

Зубы есть у всех млекопитающих, кроме однопроходных, некоторых китообразных, ящера и муравьеда. У китообразных и у однопроходных зубы развиваются лишь в зародышевой стадии, а затем выпадают. Они сидят всегда в ячейках челюстных костей. Различают четыре рода зубов: резцы, клыки,

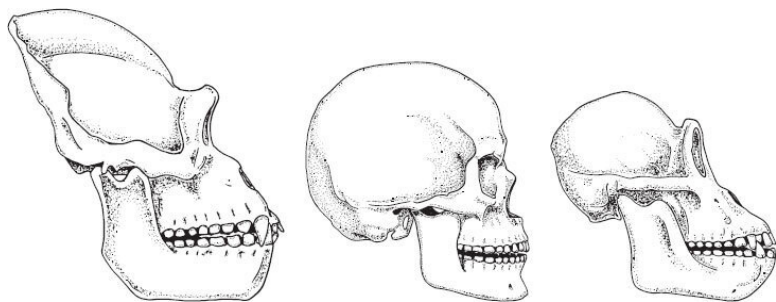
ложнокоренные и истинные коренные. Зубы в каждой челюсти обыкновенно соответствуют промежуткам в другой челюсти. Для обозначения числа зубов, что имеет значение для систематики, употребляют особую формулу, имеющую вид дроби, в которой над чертой обозначаются число зубов каждого рода в половине верхней челюсти, а под чертой – в половине нижней челюсти. Так, напр., зубная формула человека и обезьян Старого Света изображается $2.1.2.3/2.1.2.3.$, т. е. резцов $2/2$, клыков $1/1$, ложнокоренных $2/2$, истинно коренных $3/3$. У большинства млекопитающих происходит смена первоначальных, так называемых, зубов на постоянные. Величина, форма и строение зубов вполне соответствует роду пищи животных. Скелет млекопитающих приводится в движение мускулами, или мышцами, которые в обыденной жизни называются мясом. Мускулы находятся в полном соответствии с особенностями скелета и образом жизни животного, поэтому не все мускулы одинаково развиты у различных млекопитающих, а иногда некоторые мускулы даже и совсем отсутствуют. Те млекопитающие, которые лазают, копают, хватают и вообще производят конечностями значительную работу, обладают сильными грудными мускулами; у бегающих сильно развиты мускулы бедра и голени; у некоторых хвостовые мускулы развиты особенно сильно, так как они пользуются хвостом как пятой конечностью.

Органы пищеварения хотя и сходны в основных чертах

у всех млекопитающих, но значительно отличаются в частностях. Рот всегда снабжен более или менее мясистыми губами, в которых сильно развито чувство осязания. Между губами, щеками и челюстями у некоторых млекопитающих образуются боковые мешковидные выступы, так наз. защечные мешки. Язык у некоторых сильно развит и служит не только органом осязания и вкуса, но помогает также и проглатыванию пищи. Поверхность его бывает или гладкая, или покрыта мягкими сосочками, а у семейства кошачьих – роговыми шипами. Глотка продолжается пищеводом, который непосредственно расширяется в желудок. Последний всегда имеет более или менее тонкие стенки и бывает или простой, или сложный, состоящий из нескольких отделений. Наиболее сложно устройство желудка у жвачных, у которых пища, уже побывав в двух отделах желудка, отрыгивается, пережевывается и снова отправляется в третье отделение желудка, где начинает перевариваться. У млекопитающих имеется несколько придаточных органов пищеварения, каковы: печень, слюнные железы, поджелудочная железа. Кишки разделяются на несколько отделов.

Органы дыхания у млекопитающих состоят из гортани и легких. Гортань отличается присутствием трех хрящей; щитовидного, перстневидного и черпаловидного; кроме того, отверстие гортани прикрывается надгортанным хрящом. У всех млекопитающих, кроме китообразных, в полости гортани имеются голосовые связки, которых различаются две

пары. Дыхательное горло делится на две бронхи. Легкие обыкновенно разделены на лопасти.

Черепы гориллы, человека и шимпанзе (слева направо)

Сердце сплошной перегородкой разделено на два отдела, из которых каждый также разделяется на две части, так что сердце вполне четырехкамерное. Сердце заключено в так называемую околосердечную сумку. Сосудистая система построена одинаково у всех млекопитающих с незначительными отклонениями. Артерии имеют упругие стенки, вены снабжены внутри клапанами.

Головной мозг у большинства млекопитающих сильно развит, в особенности передний, или большой, мозг и мозжечок. Между полушариями большого мозга и мозжечка существует целая система поперечных связей. Относительное развитие большого мозга соответствует степени совершенства организации животных. У низших млекопитающих по-

лушария большого мозга только лишь отчасти прикрывают остальные отделы. У хищных и копытных большой мозг доходит сверху до мозжечка, а у обезьян и человека прикрывает и мозжечок. Поверхность полушарий большого мозга у низших млекопитающих совершенно гладкая, у остальных неровная, со множеством выпуклостей и извилин, разделенных более или менее глубокими бороздами.

Органы чувств очень сходны по своему строению у всех млекопитающих. Главным органом осязания служат губы, а также конец носа, который у некоторых млекопитающих вытянут в хобот. Орган обоняния у млекопитающих развит более, чем у каких-либо других животных. Вертикальной перегородкой носовая полость разделяется на две половины, открывающиеся спереди наружу, а сзади – в глотку. Боковые стенки носовой полости образуют множество небольших ячеек (лабиринт). Разветвление обонятельного нерва заканчивается в слизистой оболочке, выстилающей полость носа. Наружные носовые отверстия – ноздри – могут расширяться или сжиматься особыми мускулами. У водных животных, как, напр., у тюленя, они могут совсем закрываться. Устройство внутреннего уха очень сложно. Для ориентирования в пространстве имеются три полукружных канала, которые расположены в трех взаимно перпендикулярных плоскостях. Форма и величина наружного уха очень различны. У некоторых наружная раковина совсем отсутствует.

Органы зрения очень совершенны; мигательная перепон-

ка существует не у всех млекопитающих; а веки, наоборот, хорошо развиты и снабжены ресницами. У крота глаза сверху прикрыты кожей.

Млекопитающие обладают в высокой степени совершенства способностью передвижения: они ходят, бегают, прыгают, лазают, летают, плавают и ныряют. Однако, по отношению к подвижности, млекопитающие сильно уступают птицам. Лишь немногие млекопитающие любят бесцельные движения взад и вперед ради удовольствия, которые так свойственны большинству птиц. Они имеют более серьезный нрав и избегают бесполезного напряжения сил. Иное мы видим у птиц. У них двигаться значит жить и жить значит двигаться. Птица всегда готова порхать, парить в высоте или бегать. Ее маленькое сердце бьется быстрее, ее кровь быстрее движется по сосудам, ее тело кажется более гибким и стройным, чем у млекопитающих, которые по большей части лишь тогда чувствуют себя вполне счастливыми, когда, по возможности, удобнее улягутся и могут спать или дремать.

Многие млекопитающие способны очень быстро двигаться. Так, напр., хорошая скаковая лошадь на расстоянии нескольких километров может бежать около 15 метров в секунду; большей быстроты не встречается ни у одного наземного животного, но сравнительно с быстротою птичьего полета она представляется ничтожной; даже тяжело летящая ворона может успешно состязаться в скорости со скаковой лошадью. Почтовые голуби летят со скоростью от 15 до 23

метров в секунду и с такой быстротой могут лететь в течение многих часов. Что же сказать о наилучших летунах: соколах, фрегатах, ласточках, которые движутся несравненно быстрее курьерского поезда?!

Большинство млекопитающих ходит на четырех ногах, но есть и двуногие, каковы тушканчики и кенгуру. Впрочем, ни одно животное, кроме человека, не ходит по земле с прямо стоящим туловищем: что же касается кенгуру, то они ходят, в сущности, на трех конечностях, так как длинный мускулистый хвост исполняет то же назначение, как и ноги.

Прыганье млекопитающих происходит различным образом или с помощью толчка двух задних лап, или всех четырех, но главная роль принадлежит все-таки задним ногам. Впрочем, сила прыжка у млекопитающих весьма незначительна, сравнительно с их величиной, и в этом отношении их далеко превосходят многие низшие животные.

Очень замечательно и разнообразно лазанье млекопитающих, из которых многие всю жизнь проводят на деревьях. Не только все четыре конечности, но также и хвост принимает в этом большое участие и часто служит органом прикрепления и привешивания тела; в особенности развита эта способность хвоста у обезьян Нового Света. У многих млекопитающих органом лазания являются также когти, которые позволяют им очень быстро карабкаться по деревьям и скалам. Замечательно, что и копытные животные умеют очень хорошо лазать по крутизне, даже неуклюжие велика-

ны, каковы: слон, носорог, бегемот, буйвол – с большой ловкостью могут взбираться по страшно крутым, головоломным горным тропинкам; но самыми артистическими акробатами являются, без сомнения, обезьяны.

Летание млекопитающих, в сущности, есть только жалкая пародия на полет птиц; даже наиболее приспособленные к этому роду передвижения летучие мыши далеко уступают пернатым летунам; что же касается летяг и летучих сумчатых, то они пользуются своими кожистыми крыльями лишь как парашютом, облегчающим им падение, но неспособны лететь вверх или по прямой линии.

Гораздо более приспособлены млекопитающие к передвижению в другой стихии – в воде. Способность плавать и нырять дарована очень многим млекопитающим не только настоящим водным, но и наземным. Совершенно не способны держаться на воде только очень немногие из млекопитающих, как, напр., человекообразные обезьяны и павианы. Приспособления для плавания встречаются у млекопитающих самые разнообразные. Ноги, одетые в копыта, представляют очень несовершенный орган плавания, тем не менее между копытными животными встречаются и настоящие водные, как, напр., бегемот, который почти всю жизнь проводит в воде. У настоящих водных животных появляются более совершенные приспособления для плавания в виде перепонок, соединяющих пальцы.

Тюлени стоят посредине между животными, снабженны-

ми лапами, и настоящими рыбообразными млекопитающими. Ласты их, в сущности, те же плавники, так как пальцы их покрыты кожей, соединяющей их, и снаружи остаются видными только когти. У китов и этот признак отсутствует: пальцы тесно и неподвижно связаны между собой посредством хрящевой ткани; задние конечности отсутствуют, а хвост расширяется горизонтально и образует плавник; таким образом, является нечто среднее между млекопитающим и рыбой. Такое различие по форме и расположению органов изменяет и движение. Копытные и животные, имеющие лапы, при плавании ударяют ими вниз, как бы ходят по воде, и таким образом подвигаются вперед; ластоногие и рыбообразные передвигаются с помощью ластов, которыми работают как веслами. Животные, у которых лапы снабжены плавательными перепонками, складывают их, занося ногу вперед, и расширяют при обратном движении. Быстрота плавания у некоторых животных бывает поразительная. Большие киты плывут по 18–25 километров в час, что составляет около 7 метров в секунду, а дельфины могут плавать еще быстрее и шутя обгоняют самый быстроходный пароход.

Раздвоенный «фонтан» над дыхательным отверстием южного кита

Деятельность внутренних органов, как, напр., кровообращения и пищеварения, совершается у млекопитающих медленнее, чем у птиц, сердце работает не так быстро, и, соответственно этому, температура крови несколько ниже, чем у птиц. Обмен воздуха в легких совершается значительно медленнее, в особенности у водных млекопитающих, которые вследствие этого могут очень долго оставаться под водой. Кит может оставаться под водой минут 40, кашалоты в случае надобности могут пробыть даже более часа.

Поразительно замедление дыхания, которое происходит у животных во время зимней спячки. Так, напр., сурок, который в бодрствующем состоянии в течение двух дней со-

вершает 72 000 дыхательных движений, во время сна за 6 месяцев дышит лишь 71 000 раз и, следовательно, потребляет за все это время лишь 1/90 часть того количества воздуха, которое потребно ему в бодрствующем состоянии.

Кошки отличаются тонким слухом и обонянием

Способность голоса в смысле силы и разнообразия развита у млекопитающих гораздо меньше, чем у птиц. Нет ни одного млекопитающего, голос которого может быть назван музыкальным и приятным, у громадного же большинства он очень неблагозвучен.

Всемогущая любовь одаряет птицу чарующими тонами, которые возбуждают восторг в наших сердцах; напротив, из горла млекопитающего та же любовь извлекает раздражающие

уши звуки. Как велика разница между песнью любви соловья и кошки! У последней каждый тон изуродован и искажен, каждый естественный звук превращен в мучительные, раздирающие ухо диссонансы; у соловья же дыхание становится чудным пением, а пение это – прекраснейшей любовной поэмой в звуках и тонах.

Пищеварительный аппарат у млекопитающих построен очень совершенно, но самый процесс пищеварения совершается гораздо медленнее, чем у птиц; во время зимней спячки пищеварение может прерываться на целые месяцы.

Итак, в телесной организации, по крайней мере в некоторых отношениях, млекопитающие уступают птицам, но душевные их способности – безусловно, наивысшие из всех животных.

Деятельность органов чувств, которая у животных является единственным проявлением душевной способности, у рыб, пресмыкающихся и земноводных сравнительно ничтожна, довольно ограничена также и у птиц, и только у класса млекопитающих все внешние чувства достигают наибольшего развития. У млекопитающих обнаруживается уже всесторонность в развитии чувств, которая у человека достигает полного развития, и поэтому млекопитающие по справедливости стоят во главе всего животного царства.

Осязание очень хорошо развито у млекопитающих. Огромный кит, при незначительном прикосновении к его коже, тотчас же ныряет; слон сейчас же замечает муху, которая

сядет на его толстую, по-видимому, совершенно нечувствительную кожу, но все эти животные даже и приблизительно не могут сравняться в этом отношении с человеком. Даже копытные животные обладают чувством осязания в ногах, несмотря на свои толстые роговые копыта. Осязательная способность, между прочим, развита у млекопитающих в усах. Кошка, крыса или мышь постоянно пользуются усами для ощупывания предмета в то время, когда, по-видимому, обнюхивают его.

Чувство вкуса в настоящем своем виде существует только у млекопитающих и сосредоточивается в языке. Жесткий язык верблюда, который не повреждается даже острыми колючками мимоз, прекрасно чувствует вкус соли, точно так же слон с наслаждением лижет сладости и испытывает приятное ощущение, когда его грубый язык придет в соприкосновение со спиртными напитками.

Обоняние у большинства млекопитающих очень сильно развито. Собака безошибочно различает чутьем среди тысячи других человеческих следов – следы своего господина, оставленные несколько часов тому назад, или следует за дичью, которая прошла известным путем, благодаря вполне сознаваемому ею запаху, причем запах этот ею отличается от сотни других запахов, существующих на том же месте. Что запах этот не может быть силен, явствует из того, что он происходит от газа, выделившегося от мгновенного прикосновения сапога или ноги животного к почве. Яс-

но представить себе эту степень чутья прямо невозможно. Северный олень чует человека даже на расстоянии 500 шагов, африканский слон тотчас же чует старые следы человека, оставленные за несколько часов в открытой местности, в степи, заросшей кустарником. Замечательно, что все животные, обладающие хорошим обонянием, имеют влажные носы. Нос кошки уже гораздо суше, чем нос собаки, нос обезьяны еще суше, чем нос кошки; нос человека, в свою очередь, суше, чем нос обезьяны. Постепенно убывающая способность обоняния у этих млекопитающих стоит в полном согласии с влажностью органа обоняния. Интересен тот факт, что благоухания, приятно щекочущие малочувствительные носы, для всех животных с тонким обонянием оказываются неприятными: собака с таким же отвращением отворачивается от одеколona, как и от сероводородного газа. Лишь животные с плохим обонянием любят сильные запахи и приходят в неистовство от них, как кошка – от валерианы; животные с хорошим чутьем тщательно избегают всех газов, возбуждающих нервы, боятся их даже, так как сильные запахи причиняют им, вероятно, боль, что случается, впрочем, нередко и с людьми, стоящими на низкой ступени образования, так называемыми дикарями.

Превосходит ли у млекопитающих чувство слуха чувство обоняния или наоборот – вопрос спорный. Бесспорно, однако, что чувство слуха достигает у млекопитающих такого развития, как ни в каком другом классе животных. Чув-

ство слуха, правда, довольно сильно развито уже у низжестоящих классов животного царства, однако оно нигде не развито в такой степени, как в двух высших классах; самое совершенное ухо птицы всегда стоит гораздо ниже, чем ухо млекопитающего. Что птицы отлично слышат, вытекает уже из их музыкальных дарований: они развлекают и одушевляют друг друга своими прекрасными песнями, и ухо их довольно чутко ко всяким звукам. Но замечательно, что лучшие певуны между ними обладают наименее развитым ухом, между тем как для всех птиц с тонким слухом, каковы, напр., все совы, пение певчих птиц кажется очень неприятным. Почти то же замечается и у млекопитающих. Здесь уже наружное, а еще более внутреннее строение уха показывают степень совершенства слуха; но эта способность может доходить до такой высокой степени развития и сделаться столь тонким, что звуки, кажущиеся благозвучными более тупым или привычным ушам, становятся для чуткого животного резкими и неприятными.

У человека чувство слуха, в смысле способности различать слабые звуки, как и чувство обоняния, развито хуже, чем у млекопитающих, но это нисколько не вредит его господствующему положению среди природы: равномерное развитие всех чувств все-таки значительно возвышает его над всеми животными.

Способность слышать у млекопитающих весьма различна. Ни одно из них не может считаться совсем глухим, но дей-

ствительно тонким слухом обладают лишь немногие.

Об остроте слуха млекопитающих трудно судить. Мы знаем, что очень многие млекопитающие в состоянии различать шум, который мы не замечаем, но как далеко простирается эта способность и эта разница с восприятием слухового аппарата человека, нам неизвестно. Кошка и сова слышат шум, который производит бегущая мышь, но мы не можем определить, на каком расстоянии они могут еще отличать тихие шаги от шороха ветра. Ушан слышит, вероятно, шум от полета маленьких бабочек, который для нас совершенно неуловим; степная лисица различает по слуху даже на порядочном расстоянии ползание жука по песку; олень улавливает шум шагов охотника, по-видимому, даже на расстоянии полутора метров. Но все эти данные лишь приблизительны и не могут быть проверены точным измерением.

Чувство зрения не достигает у млекопитающих такой остроты, как обоняние и слух, и в этом птицы сильно превосходят их. Можно предполагать, что из дневных млекопитающих едва ли какое превосходит человека остротою зрения. Известно, что многие из них даже вблизи не скоро сумеют распознать врага, в особенности если он стоит неподвижно. Ночные млекопитающие обладают самым острым зрением и, бесспорно, превосходят в этом человека. У ночных животных зрачок имеет различную форму днем и ночью. Обыкновенный дневной свет кажется для них слишком ярким, невыносимым для глаз, поэтому зрачок суживается

и превращается в тонкую линию, между тем как по мере наступления темноты все расширяется и, наконец, становится совершенно круглым. Таким образом регулируется количество световых лучей, падающих на сетчатую оболочку.

Млекопитающие обладают памятью, некоторой долей рассудительности и чувствительности. Они обладают способностью различать предметы, имеют представление о времени, месте, о цветах и звуках: умеют узнавать и припоминать прежде виденное, наблюдают и до некоторой степени даже рассуждают. Путем наблюдения они составляют себе известную опытность, которой прекрасно умеют пользоваться: они распознают опасности и придумывают иногда даже очень остроумные способы, чтобы их избежать. Животные эти проявляют симпатии или антипатии к различным лицам.

Совокупность душевных способностей млекопитающего составляет его характер. Животное может быть мужественным или трусливым, честным или вороватым, прямодушным или коварным и хитрым, доверчивым или подозрительным, миролюбивым или задорным, веселым, жизнерадостным и беззаботным или печальным, угрюмым, общительным или необщительным и проч., и проч. Подобных черт характера того или другого млекопитающего животного можно насчитать очень много.

Характер животных складывается в очень значительной степени в зависимости от условий воспитания. При тех или иных условиях высокоорганизованное животное может

стать «образованным» и «благовоспитанным» — или грубым, «невежественным». Наилучшим воспитателем животных является, конечно, человек, который сумел воспитать многочисленные породы домашних животных, характер которых сильно отличается от их некультурных родичей.

Большинство млекопитающих живет обществами различной величины, но не такими громадными, в какие скопляются иногда птицы. В стаде всегда есть вожак, которому все члены его подчиняются: в большинстве случаев во главе стада становится старый опытный самец, который добивается этой чести не без труда, после упорных битв со всеми соперниками. Вожак принимает на себя заботу о безопасности всего стада и защищает слабых членов его. В виде исключения у жвачных животных вожаком стада иногда является старая бездетная самка.

Питаются эти животные или растительными веществами, или другими животными, а есть и такие, которые питаются самой разнообразной пищей, как растительной, так и животной.

Соответственно этому весьма разнообразны способы хватания пищи и ее принятие. В большинстве случаев пища схватывается ртом: у других животных есть специальные органы хватания — хобот у слона, руки у обезьян и др.

Сравнительно с птицами, млекопитающие едят немного, так как и жизненная энергия у них проявляется сравнительно меньше. Особенно сильно понижается жизнедеятель-

ность у некоторых млекопитающих во время спячки, когда соответственно этому понижается и температура их тела.

Жизнь млекопитающих более однообразна, чем у птиц, свободных обитателей воздушной стихии. Большинство проводит свой день между сном и едой, добывание которой поглощает все их внимание.

Забота о потомстве лежит главным образом на самках, которые в большинстве случаев одни добывают пропитание детенышам, охраняют их, нередко с поразительным самопожертвованием, и заботятся об их первоначальном воспитании, а еще раньше устраивают логовище и стараются обставить его с возможным комфортом.

У ехидны яйца помещаются в особую складку кожи на брюхе самки, где они и находятся до окончания развития. Подобно этому сумчатые помещают в свою сумку новорожденных детенышей, где те кормятся молоком и вынашиваются до тех пор, пока станут настолько взрослыми, что могут сами о себе заботиться. Степень развития детенышей при появлении на свет весьма различна. У всех хищников они рождаются слепыми и совершенно беспомощными, у других отрядов детеныши появляются гораздо более развитыми, так что через короткое время способны следовать за своею матерью.

Жеребенок может следовать за матерью практически сразу после рождения

Отношение самцов к детенышам по большей части безразлично, иногда даже враждебное, так что мать старается тщательно скрывать своих детей от отца, который при случае даже пожирает их. Гораздо реже встречается у млекопитающих заботливость отца о своем потомстве.

Продолжительность жизни у млекопитающих весьма различна, но сравнительно с их величиной вообще невелика: тридцатилетнего возраста достигают лишь очень немногие.

Млекопитающие, безусловно, самые полезные из всех животных. Они не только доставляют человеку мясо, шерсть, кожу, кости (клыки моржей и слонов) и др. продукты, но, что еще более важно, получив от человека соответственное воспитание, служат ему, исполняя самые разнообразные рабо-

ты, и отдают в его распоряжение не только свою мускульную силу, но также свои острые чувства и дарованные природою таланты. Собака считается даже лучшим другом человека.

Млекопитающие распространены по всему свету: по всем морям и океанам, по всем материкам и частям света и по всем более значительным островам. Только океанические острова, которые никогда не были в связи с материками, не населены млекопитающими, за исключением летучих мышей. Однако области распространения определенных видов млекопитающих не очень обширны; даже водные млекопитающие обитают лишь в определенных областях моря, вблизи берегов той или другой страны.

Вышеуказанные зоогеографические области установлены, главным образом, на основании распределения на Земле млекопитающих животных; из них каждая характеризуется ей одной свойственными млекопитающими.

Палеарктической области свойственны из обезьян бесхвостая мартышка, несколько родов настоящих кротов, хорек и барсук, некоторые лани и антилопы, мускусная кабарга; характерны, но не исключительно этой области свойственны быки, овцы, козы, медведи и др.

Эфиопская область – родина гориллы и шимпанзе, многих полуобезьян, жирафы, бегемота, разных видов зебры, множества видов антилоп; исключительно этой области свойственны капский муравьед, прыгунчики. Медведей и оленей здесь совсем нет.

Индийская область характеризуется орангутангом, гиббоном, королевским тигром, индийским слоном и двуцветным тапиром; лори, летающий маки, несколько видов виверр и антилоп, особый вид носорога также составляют характерных обитателей этой области.

Австралийская область наиболее резко отличается по составу фауны от всех остальных. Здесь – родина самых низших млекопитающих – однопроходных и сумчатых. Кроме них, в этой области нет никаких местных млекопитающих. Переходную полосу между двумя последними областями, граница которых проходит между островами Бали и Ломбок, между Борнео и Целебесом, между Филиппинскими и Молуккскими, составляет остров Целебес. Здесь, кроме представителей обеих этих областей, водятся совершенно своеобразные млекопитающие, которые не встречаются больше нигде. Это – бабирасса, вид буйвола, и одна обезьяна. Новая Зеландия имеет своих характерных животных (один вид крысы и выдру).

Неоарктическая область во многих сходна с палеарктической; здесь есть очень много видов, общих обеим областям (рыси, волки, лисицы, олени, бобры и др.), а другие хотя и отличаются, но незначительно. Характерными животными являются несколько видов кротов (звездорыл), вонючка, еноты, вилорогая антилопа, опоссум и др. Ежей и свиней нет.

Неотропическая область обособлена от неоарктической и от других почти так же резко, как и Австралийская об-

ласть, но гораздо богаче ее видами. Характерными животными являются неполнозубые, сумчатые и грызуны; из них специально местные – несколько пород цепкохвостых обезьян, вампиры, носухи, пекари, ламы, ленивцы, броненосцы, муравьеды, шиншилла, агути, несколько видов двуутробок, овец, быков, антилоп совсем нет; вместо свиней, слонов, носорогов Старого Света – пекари и тапиры.

Число всех живущих в настоящее время видов млекопитающих достигает более 2000, которые распределяются неравномерно по странам света: в Азии около 350, в Америке – 400, в Африке – 240, в Европе – 150 и в Австралии – 140.

Отряд I. Обезьяны

(Pitheci)

Величина обезьян очень различна: некоторые из них, напр. горилла, достигают роста человека, другие, как, напр., игрунка, не более белки. Точно так же разнообразна и внешность их. По внешности их можно разделить на три группы: человекообразные, собакоподобные и векшеподобные. Это сравнение как нельзя лучше характеризует их фигуру. Конечности обезьян иногда короткие, мускулистые, а иногда – тонкие и длинные; у большинства – есть длинный хвост, у других он короток; а есть и совершенно бесхвостые обезьяны. Точно так же замечается разнообразие и в волосяном покрове, который у одних обезьян жидкий и короткий, у других – густой и длинный, в виде настоящего меха. Цвет шерсти – обыкновенно темный, но у многих обезьян есть на теле ярко окрашенные места: наконец, встречаются почти совершенно белые обезьяны – альбиносы (их особенно почитают в «стране Белого Слона» Сиаме).

При всем, однако, разнообразии внешнего вида обезьян, внутреннее строение их тела довольно однообразно. Их скелет по форме костей довольно похож на человеческий скелет; мало отличаются от человеческих и зубы, по числу и строению. У некоторых видов, особенно у мартышек и павианов, замечаются так называемые защечные мешки, т. е.

особые расширения внутренних стенок рта, соединенных с ротовой полостью особым отверстием и служащих обыкновенно обезьяне для временного сохранения пищи. Человекообразные и обезьяны Нового Света совершенно лишены этих «мешков».

По устройству конечностей, приспособленных для хватания, обезьян называют четырехрукими, так как у них большой палец может быть противопоставлен остальным пальцам, как на руке человека. Однако и это – не общий признак: у игрунок такое устройство пальцев замечается только на задних конечностях. Кроме того, и у всех вообще обезьян существует все-таки некоторая разница между строением кисти руки и ступни, так что правильнее было бы назвать обезьян двурукими. В этом, да и еще кой в чем они, несомненно, походят на человека. Зато существуют и резкие различия этих животных от человека: прежде всего, их туловище покрыто шерстью, передние конечности несоразмерны с телом – длинные, а задние тонкие и не имеют икр: затем, седалищные наросты, признак общий почти всех обезьян, у многих длинный хвост, а главное – строение головы, с выдающейся, отодвинутой назад мордой, незначительный объем черепа и тонкие, втянутые внутрь губы – все это резко отличает обезьян от человека.

Что касается душевных свойств обезьян, то рядом с безусловно несимпатичными чертами у них встречаются и сим-

патичные. С одной стороны, бесспорно, эти животные коварны, злы, раздражительны, мстительны, сварливы, с другой — понятливы, веселы, ласковы, доверчивы к человеку, общежительны, сострадательны к слабейшим себя, мужественны при встрече с врагами и замечательно чадолюбивы. Однако умственное развитие их вовсе не так сильно превосходит развитие прочих млекопитающих, как обыкновенно думают. Правда, обезьяны очень переимчивы и легко выучиваются различным штукам, которые собака усваивает с трудом; но зато они при исполнении заученного далеко не обнаруживают того удовольствия и сообразительности, какие замечаются в той же собаке. Впрочем, нельзя упускать из виду того обстоятельства, что человек приручал собаку в течение целых тысячелетий; за это время природные способности ее могли совершенно измениться; обезьяны же никогда не были очень близки к человеку.

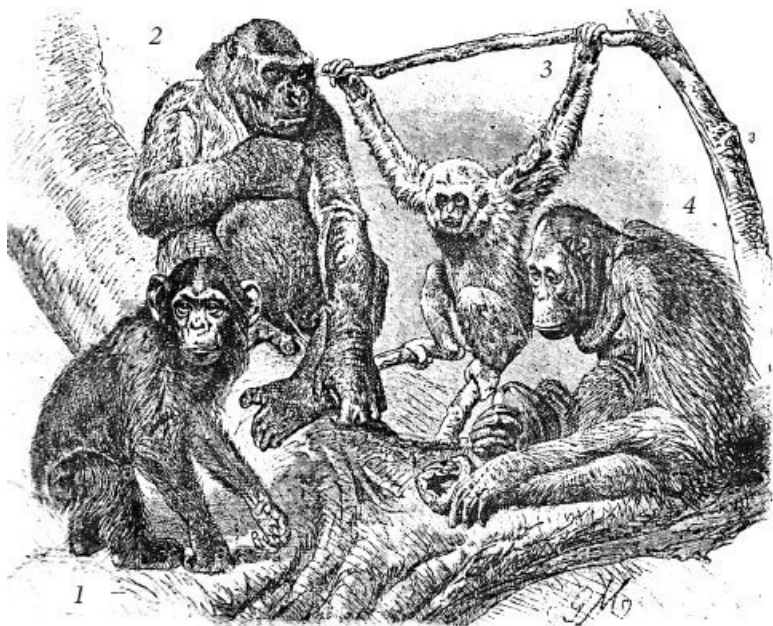
Все-таки отказать в уме обезьянам нельзя. Напротив, скорее следует причислить их к числу самых умных животных. Они одарены прекрасной памятью и умеют пользоваться своим опытом; их проницательность и хитрость видны в их замечательном умении притворяться и скрывать свои зловредные намерения, а также в умении ловко избегать опасности. Далее, они способны сильно привязываться к тем лицам, которые делают им добро; обнаруживают большую любовь к детям и товарищам, попавшим в беду: обезьяны стараются при бегстве унести не только своих раненых, но и убитых.

Словом, присутствие у них ума – несомненно.

Впрочем, при всем их уме их нетрудно обмануть; для этого стоит только возбудить у них страсть. Тогда, увлекаясь желанием во что бы то ни стало удовлетворить ее, они не замечают грубых ловушек и обыкновенно попадают впросак.

Будучи очень чувствительны к холоду, обезьяны обитают только в жарких странах, хотя, Впрочем, некоторые павианы, поднимаясь в горных странах на значительную высоту, переносят там довольно низкую температуру. Каждая часть света имеет свои, так сказать, специальные породы обезьян; только один вид живет одновременно и в Африке, и в Азии; в Австралии обезьян совсем нет, а в Европе встречается только один вид, да и то в небольшом числе экземпляров, он живет на Гибралтарской скале.

В местах своего обычного обитания обезьяны встречаются от 35^0 ю. ш. До 37^0 с. ш. (шир. Японии) в Старом Свете и с 29^0 ю. ш. только до 28^0 с. ш. В Америке. В обеих этих полосах обычным местом их обитания являются леса, и только небольшое число видов предпочитает скалистые горные местности.

Человекообразные обезьяны: 1 – горилла; 2 – шимпанзе; 3 – гиббон; 4 – орангутанг

Обезьяны, бесспорно, одни из самых живых и подвижных млекопитающих. Выйдя на добычу, они ни на минуту не остаются в покое, а вечно что-нибудь рассматривают, хватают, срывают, обнюхивают и откусывают, чтобы затем съесть это или бросить. Едят они, можно сказать, все съедобное, но главную их пищу составляют: плоды, луковицы, клубни, корни, семена, орехи, листья и сочные стебли; едят

они и насекомых, и яйца, а также птенцов птиц. Но больше всего, кажется, достается от них полям и садам; недаром арабы Восточного Судана говорят: «Мы сеем, а обезьяны пожинаяют». И действительно, эти создания являются страшным врагом земледельца и садовода, причем не столько съедают, сколько напортят. От этих грабителей ничто не может защитить: ни задвижки, ни заборы — они искусно отодвигают первые и перелезают через вторые, производя полное разрушение на поле и в саду.

Хозяин приходит в отчаяние от их грабежей; для постороннего же наблюдателя зрелище, представленное набегом этих ловких, увертливых животных, кажется весьма забавным: они гоняются взапуски друг с другом, скачут, кувыркаются, со смешным, сосредоточенным вниманием разглядывают все блестящее, что им попадется.

Их ловкость, обнаруживаемая в искусстве лазанья, превосходит всякое вероятие. Это — настоящие акробаты, за исключением разве больших пород и павианов, довольно-таки неуклюжих. Им нипочем прыжки в 3—4 саж. С высоты дерева они прыгают на ветку, лежащую на 5 саж. ниже. При этом ветка, конечно, сначала сильно наклоняется, но затем снова выпрямляется, давая этим обезьяне толчок вверх, — и она, как стрела, пронизывает воздух, действуя ногами и хвостом как рулем. Упав с дерева, обезьяна всегда сумеет схватиться за первую попавшуюся ей ветку и снова полезет вверх; впрочем, ей и упасть на землю ничего не значит.

Чего нельзя схватить руками, обезьяны хватают задними конечностями, а американские обезьяны — хвостом; хвост у этих животных есть пятая, можно сказать, самая важная конечность: на нем они качаются, при помощи его достают пищу из расщелин, поднимаются вверх; даже ночью они спят, охвативши хвостом сиденье.

Ловкость и проворство обезьян заметны только при лазании; на земле же большинство их кажутся очень неуклюжими. Лучше других ходят мартышки, цепкохвостые обезьяны Нового Света и игрунки, особенно первые, за которыми трудно угнаться и хорошей собаке. Что же касается крупных обезьян, то походка их очень тяжела и уже совсем не похожа на человеческую. Мы обыкновенно при ходьбе ступаем на землю всей ступней, обезьяны же опираются на согнутые пальцы передних конечностей и неуклюже подбрасывают туловище вперед, выкидывая задние конечности между передними. Движение это напоминает походку человека на костылях. Да и так-то они ходят недолго и при первом случае, напр. преследовании, опускаются на четвереньки.

Некоторые виды их превосходно плавают, напр. мартышки, другие же, как павианы и ревуны, легко тонут и потому боятся воды. Однажды в Америке нашли семью еле живых ревунов на дереве, которое во время наводнения наполовину погрузилось в воду; обезьяны даже не пытались спастись по воде на другие деревья, хотя те были от них на расстоянии каких-нибудь 6–10 шагов.

Некоторые наблюдатели уверяют, будто не умеющие плавать обезьяны устраивают для переправы через ручьи живой мост, цепляясь друг за друга хвостом и руками. Но это – чистый вымысел.

Что касается общественной жизни обезьян, то на ней следует остановиться, так как большинство этих животных живет стаями. Каждая стая, под руководством опытного и сильнейшего самца, выбирает обыкновенно район для поселения, большей частью поблизости от жилья человека, так как тогда недалеко и пастбище для обезьян – сады, бахчи и поля, до которых они такие охотники. Опытный вожак, избираемый, конечно, не подачей голосов, а при помощи своих же зубов и кулаков, которыми он смиряет всех непокорных, постоянно заботится о безопасности своих подданных и потому суется больше всех: он всюду озирается, ничему не доверяет и оттого всегда успеет вовремя заметить грозящую опасность. В случае же последней вожак немедленно издает предупреждающий крик, состоящий из ряда отрывистых, дрожащих, негармоничных звуков, – и вся стая обращается в поспешное бегство; матери сзывают детенышей, которые мгновенно прицепляются к ним, и спешат со своими драгоценными ношами к ближайшему дереву или скале. Только когда успокаивается вожак, стая вновь собирается и возвращается обратно.

Уже из этого крика вожака видно, что обезьяны могут издавать звуки для выражения своих чувств. Некоторые же на-

блюдатели идут дальше, доказывая, что обезьяны владеют настоящим языком, как и люди, но, конечно, гораздо менее развитым.

«Слово „у“, но несколько иначе (нашими буквами мы не можем это выразить) означает у обезьян „дай“. Произнося слово „у“, мне несколько раз удалось заставлять обезьян приносить из клетки мяч, палку и проч. Разница в ударе может быть изображена только при помощи фонографа». В дальнейшем изложении проф. Гарнер касается некоторого сходства, существующего между языком обезьян и языком человека. По мнению английского ученого, обезьяна производит звук произвольно, хорошо обдумав и членораздельно. Звук обращен всегда к определенному индивидууму. Поведение обезьян показывает, что в их сознании имеется ясное представление о том, что они желают передать при помощи звуков. Они ожидают ответа, а если ответа не последует, то несколько раз подряд повторяют данный звук. Обыкновенно они смотрят в глаза тому, с которым говорят. Обезьяны производят звуки вовсе не для препровождения времени и не тогда, когда они одни, а только в тех случаях, когда поблизости находится человек или обезьяна. Они понимают звуки других обезьян и отвечают тем же самым звуком; отлично понимают они звуки и тогда, если звуки исходят от человека, фонографа или других механических приспособлений. Для какого-нибудь понятия все обезьяны употребляют, в общем, один и тот же звук. Различные звуки сопровождаются

различными жестами и имеют различные последствия при одних и тех же обстоятельствах. Обезьяны произносят звуки голосовыми органами и видоизменяют их зубами, языком и губами, т. е. таким же способом, как и человек.

Чем более развита общественная жизнь у какой-нибудь породы обезьян, тем совершеннее их язык. В некоторых случаях звуки произносятся шепотом, что опять-таки говорит в пользу того, что обезьяны произносят звуки вполне сознательно.

Обезьяны родят по одному детенышу, редко двух: детеныш этот очень некрасив: конечности его кажутся вдвое длиннее, чем у взрослых, а лицо до того покрыто морщинами, словно перед вами старик. Однако мать питает самую нежную любовь к этому уроду: то лизнет, то ищет у него насекомых, то держит перед собой, словно желая насладиться его видом, то качает, словно баюкая. Детеныш скоро научается вешаться матери на грудь, обнимая передними конечностями шею, а задними бока: в этом положении он нисколько не мешает матери бегать и лазать, а сам может в это время спокойно сосать. Более взрослые детеныши вскакивают на плечи и спину родителей. Подросши немного, маленькая обезьянка начинает шалить и играть с другими себе подобными, но под строгим присмотром маменьки. При малейшей опасности та бросается к своему детищу и особенными звуками приглашает его вскочить себе на грудь. Непослушание наказывается щипками, пинками, а иногда и пощечинами.

В неволе обезьяна делится с детенышем последним куском пищи и так нежно ухаживает за ним, что нельзя не быть тронутым. Если же он умрет, мать часто следует от тоски за ним в могилу. Сироту-обезьянку часто усыновляет другая самка той же породы и любит его не менее, чем собственных детей. В отношении же приемышей других пород наблюдается странное явление: мачехи ухаживают за ними, ласкают, чистят, но есть не дают, отнимая без зазрения совести их пищу. То же приходилось наблюдать у ручных павианов, которые брали себе в приемыши щенят и котят.

Отряд обезьян (Pithecii) разделяется обыкновенно на три семейства: **узконосых** (Catarrhini), или обезьян Старого Света, **широконосых** (Platyrrhini), или обезьян Нового Света, и **игрунковых** (Arctopithecii).

Представители первого семейства, по устройству ноздрей и зубов, более других обезьян походят на человека, но у них на верхней челюсти, между клыком и соседним резцом, есть промежуток, где помещается выдающаяся часть нижнего клыка. Далее, все узконосые обезьяны не имеют цепкого хвоста. Семейство это разделяется на 2 группы: 1) **человекообразные** (Anthropomorpha), похожие на человека по внешнему виду (особенно по форме лица и расположению глаз и ушей), и 2) **собакообразные** (Cynopithecini), с мордой собаки. Кроме того, первые опираются на землю наружным

краем ступни, а вторые – всей ступней; у первых нет ни хвоста, ни защечных мешков, у вторых – есть и то, и другое, да притом имеются еще седалищные наросты на туловище, редко встречающиеся у человекообразных обезьян.

Человекообразные обезьяны имеют туловище в роде человеческого, но передние конечности их длиннее, а задние – короче, чем у человека. Тело их покрыто длинной тонкой шерстью, но лицо и пальцы – голые. Зубы похожи на человеческие, но клыки у старых самцов не уступают по остроте и величине клыками хищных зверей. Живут эти обезьяны в Старом Свете, именно в Азии и Африке. Все семейство включает четыре рода: **горилла** (*Gorilla*), **шимпанзе** (*Simia*), **орангутанг** (*Pithecus*) и **гibbon** (*Hylobates*), заключающих в себе несколько видов.

Горилла (*Troglodytes gorilla*, *Gorilla gina*), самая крупная из человекообразных обезьян, открыта только в 1847 году американским миссионером Соважем на берегах реки Габона.

В зрелом возрасте горилла достигает значительных размеров – так, напр., превосходный экземпляр, привезенный в Париж с берегов Габона доктором Франкэ, имеет не менее 1,67 м высоты. Ее колоссальное туловище не имеет, так сказать, талии, так как крайние ребра почти соприкасаются с тазом; все оно, кроме части рук, покрыто шерстью, кото-

рая обыкновенно стирается на спине от привычки животного спать, прислонясь к стволу дерева. Обыкновенно горилла черного цвета, хотя иногда имеет сероватую или коричневатую окраску шерсти. Дю-Шалью, проживший в Габоне долгое время, в описании своих путешествий посвятил много страниц этому четверорукому гиганту.

«Горилла, — говорит он, — живет в самых недоступных и уединенных частях Западной Африки, между реками Дангер и Габон, от 1 до 15-го градуса широты. Она предпочитает чащи леса и утесистые горы в соседстве с водой. Но она вовсе не живет стадами, подчиненными вожаку, как рассказывали о ней; не строит хижин, не опирается на посох при ходьбе, не подстерегает путешественников и не уносит женщин в свои логовища. Она питается исключительно молодыми побегами, зернами, плодами и орехами, которые легко раскалывает своими могучими челюстями. Это животное очень прожорливо, поэтому ему приходится часто перемещать место, чтобы отыскать себе пищу. Живет горилла почти постоянно на земле, так как большая тяжесть ее тела мешает ей карабкаться по деревьям; только самки со своими малютками забираются иногда на первые ветви деревьев. Обыкновенно самец, самка и их дети живут вместе. Однако часто старые самцы уединяются в чащу леса, а молодые, несравненно более общительные животные, бродят партиями по 5 и 6 штук.

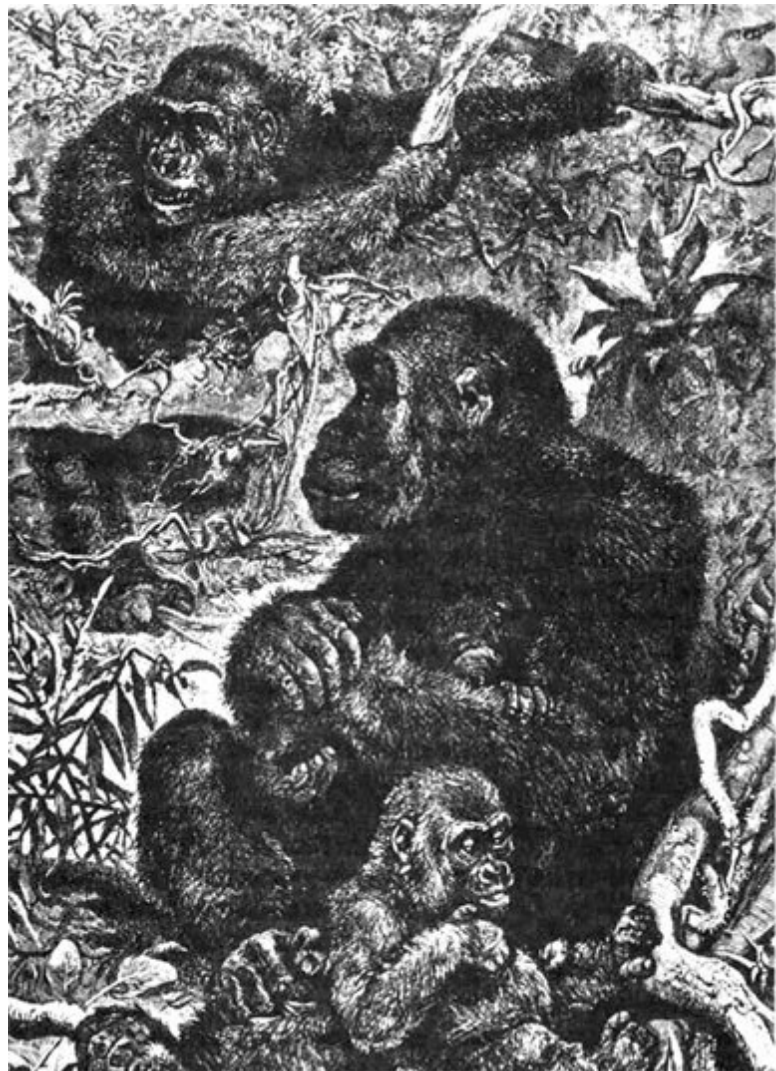
В случаях крайней опасности горилла бесстрашно

устремляется на врага. Она делает ужасающие гримасы, сверкает глазами, бьет себя в грудь, которая гудит, как барабан, выпускает вой, похожий на отдаленные раскаты грома, а волосы на ее голове топорщатся как султан. Если она ранена не смертельно, то бросается на охотника и почти всегда убивает его одним ударом ноги в живот».

Тот же путешественник так описывает встречу с одной из этих огромных обезьян. «В кустарнике что-то зашевелилось, и передо мной внезапно явился огромный самец-горилла; в чаще он шел на четвереньках, но, заведя нас, поднялся и смело взглянул нам в лицо. Стоял он шагах в двенадцати от нас, и я никогда не забуду этого зрелища. Царь африканских лесов казался привидением. Громадное тело, почти шести футов вышиною, держалось прямо; могучая грудь, большие сильные руки, сверкающие серые глаза и дьявольское выражение лица были страшны: нас он, видимо, не боялся. Он стоял и бил себя в грудь могучими кулаками, и удары эти раздавались, как звуки большого металлического барабана, так горилла обыкновенно вызывает своих противников на бой... Он страшно ревел. Рев его, совершенно особенный, наводит ужас и страшнее всех звуков, раздающихся в африканских лесах; он начинается резким лаем, похожим на лай большой собаки, и переходит в глубокие раскаты, напоминающие раскаты грома. Не видя гориллу, но слыша его рев, я несколько раз ошибался, принимая его за грозу.

Мы стояли неподвижно, ожидая нападения. Увидев это,

чудовище еще страшнее засверкало глазами; волосяной гребень на лбу его начал подниматься и опускаться, длинные клыки оскалились – и вновь загремел грозный рев. В это мгновение горилла походила на адское видение, на одно из тех отвратительных существ – полулюдей и полужверей, которых старинные живописцы любили изображать на картинах ада. Чудовище сделало несколько шагов вперед, остановилось, издало свой ужасный вой, потом приблизилось еще немного, снова остановилось и начало яростно бить себя в грудь. Таким образом, оно было от нас всего в шести шагах, когда я, наконец, выстрелил... Со страшным, человеческим стоном, в котором, однако, слышалось и что-то звериное, оно повалилось лицом на землю. Несколько минут его тело конвульсивно подергивалось, затем все стихло – смерть сделала свое дело. Мне оставалось лишь исследовать огромный труп; оказалось, что тело имело 5 футов 8 дюймов в длину; развитие ручных и грудных мускулов свидетельствовало о необычайной силе животного».

Горилла

В неволе горилла проявляет ничем не укротимую дикость: она кусает и царапает всех, кто к ней приближается, и умирает от бешенства, если ей не удастся освободиться. Дю-Шалью думал, что молодых обезьян будет легче приучить, чем взрослых. Однажды туземцы доставили ему гориллу 2 или 3 лет, которую они захватили, убив ее мать. Она была 0,81 м высотой, с сероватою шерстью. Пищи она не принимала, на четвертый день вырвалась из клетки и забилась под кровать путешественника. Вскоре затем снова вырвалась и убежала в соседний лес. Пойманная, она через несколько дней умерла в бешенстве. Вторая попытка была также неудачна: горилла, отправленная в 1859 г. Лондонскому зоологическому обществу, умерла, не достигнув берегов Англии. Экземпляр, купленный Фалькенштейном на берегу Лоанго и проданный им в 1876 г. Берлинскому аквариуму за 50 тысяч франков, был первой гориллой, привезенной живою в Европу. Во время своего прибытия она весила от 14 до 18 килограммов и имела почти 65 сантиметров в вышину.

Некоторые писатели, напр. Дюро-де-Ламалль, утверждают, что еще древние знали гориллу. В самом деле, известно, что знаменитый мореплаватель Ганнон был отправлен карфагенянами для основания колоний в Западной Африке с 60 кораблями и 30 тысячами экипажа; предприятие не вполне

удалось – он должен был вернуться на родину; и вот в отчете о своем путешествии, который сохранился до нашего времени, Ганнон говорит, что, пройдя мимо страны, реки которой текли пламенем (лавой?), он достиг залива Южного Рога. В глубине этого залива был остров с озером, а на озере – еще остров, переполненный дикими людьми. «Там было очень много мохнатых женщин, которых наши переводчики называли гориллами. Мы гнались за ними, но мужчин нам не удалось захватить, так как они были очень ловки в лазаньи по самым крутым утесам и бросались в нас камнями: мы поймали только трех женщин, которые кусались и царапались. Мы принуждены были их убить. Мы содрали с них шкуры и привезли в Карфаген, так как мы дальше уже не плыли; живых нам привезти не удалось». Ганнон положил свое официальное донесение в храм Сатурна, а шкуры горилл в храм Юноны-Астарты, где они оставались до взятия Карфагена, т. е. в течение 345 лет, от 510 до 146 г. До Р. Х.

Ясно, прежде всего, что гориллы, упоминаемые Ганноном, не были женщинами: карфагеняне были народ настолько цивилизованный, что не стал бы снимать кожу с убитых врагов и вешать ее, как трофей, в храмах. Ганнон говорит далее, что «дикие люди» были покрыты волосами. Это дает повод думать, что дело идет о какой-то породе обезьян. Вопрос только в том, о какой? Предполагают, что это были именно гориллы.

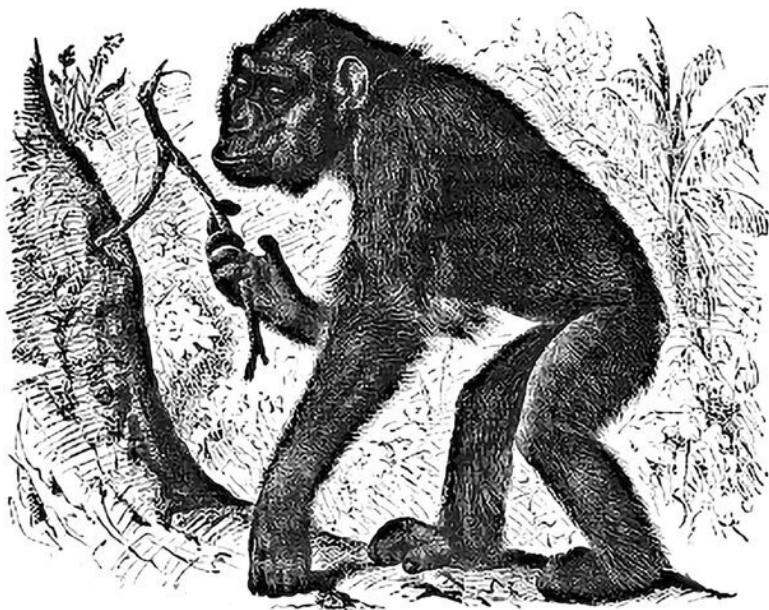
Напротив, другая человекообразная обезьяна, шимпанзе,

живущая там же, где и горилла, была, несомненно, известна с давнего времени и появилась в Европе еще в XVII в.

Шимпанзе (*Troglodytes niger*, *Simia troglodytes*) значительно меньше гориллы, не выше 1,55 м, даже в зрелом возрасте. Вид у нее также менее зверский; зубы меньше и короче: нос не такой крупный; руки короче, и конечности не такой грубой формы, как у гориллы. Кроме того, животное при ходьбе опирается не на ладонь, как другие четвероногие, а на верхнюю поверхность пальцев. За исключением лица, обнаженного, но украшенного бакенбардами, и вполне гладкой внутренней части рук и ног, все тело животного покрыто длинными грубыми волосами, черными сначала, а с течением времени получающими коричневатый или сероватый оттенок.

Верхняя и Нижняя Гвинея являются настоящею родиною шимпанзе. Эти животные живут в больших лесах, близ берегов моря и рек, поодиночке и парами, как говорит Дю-Шалью, или, как говорят другие путешественники, стадами более или менее многочисленными, под предводительством старого вожака, обязанного заботиться об общем благе. Когда их преследуют, они бросаются на деревья, издавая звуки, похожие на лай, но, несмотря на свою силу, не вступают в бой с охотником, если они только не доведены до крайности. В последнем случае они защищаются ударами рук и зубами. Все-таки им и в голову не приходит мысль вооружить-

ся палками и таким образом отражать нападение противника.

Шимпанзе

Мы уже упомянули, что шимпанзе стали появляться в Европе еще с XVII в., и почти все столичные зоологические сады имели их. К сожалению, шимпанзе не всегда хорошо переносят европейский климат и скоро умирают. Тем не менее натуралистам удалось произвести массу наблюдений, свидетельствующих о несомненной смысленности этих четверору-

ких.

Капитан Гранпрэ рассказывает, напр., что одна самка на корабле, отправлявшемся в Америку, умела растопить печь, когда температура была достаточно высока для варения, обращалась, как настоящий матрос, с якорем и парусами. Бросс рассказывает, что шимпанзе, привезенные в Европу, ели всё, умели обращаться с ножами, ложками и вилками, пили вино и водку из стаканов, охотно подчинялись диете при лечении и пр. У Бюффона был один шимпанзе, который привык ходить почти постоянно прямо и держался с большим достоинством. Он повиновался малейшему знаку своего господина, подавал руку дамам, садился за стол, развертывал салфетку, откупоривал бутылки и потчевал соседей, вообще вел себя очень благовоспитанно. К несчастью, в конце года он умер от чахотки. В 1876 году такое же интеллигентное животное жило в парижском Ботаническом саду. Его звали Беттиной. Оно было очень привязано к своему сторожу и при малейшей неприятности искало утешения в его объятиях. Вело себя оно как послушное дитя; ему только никоим образом не удавалось принять вертикального положения.

С этой обезьяной, по моему мнению, нельзя так обращаться, как с простым животным. Несмотря на все странности, проявляемые ею, в ее поведении так много человеческого, что почти забываешь, животное ли видишь пред собой. Тело его как у животного, но разум стоит на одном уровне с ди-

карями. Было бы ошибочно приписывать поступки и уловки этого развитого существа единственно безотчетному подражанию. Правда, шимпанзе иногда и подражает поступкам других, но это делает он так же, как делает ребенок, подражая взрослым. Шимпанзе позволяет себя обучать, прилежно учиться, и если бы его рука была послушна и годна, подобно человеческой, то он бы многому научился. Он же делает столько, сколько может сделать. По крайней мере, все поступки его совершаются с полным сознанием и обсуждением. Шимпанзе выказывает интерес к предметам, которые не имеют никакого отношения к потребностям его природы.

С этим мнением многих ученых вполне согласуются наблюдения, произведенные в зоологическом саду в Штутгарте над двумя шимпанзе, которые отличаются выдающимся умом. Они садятся по-человечески, едят из посуды, умеют держать себя и всем интересуются, простирая свою любознательность даже до искусства писать. Когда им показали бумагу и карандаш, они сейчас же поняли их назначение и принялись с серьезною миною покрывать данные им листы своими иероглифами.

Вообще, подводя итог всем наблюдениям над шимпанзе, невольно вспоминаешь поверье, издавна существующее у западноафриканских дикарей, что эти животные когда-то были тоже членами человеческой семьи, но за дурные поступки были изгнаны из общества людей и постепенно дошли до нынешнего состояния.

Третий представитель человекообразных обезьян, **орангутанг** (*Pithecus satyrus*) – тоже очень известное животное. Уже древний мир знал его. Плиний говорит, что «в горах Индии ворочаются сатиры, животные очень злые, с лицом человека, передвигающиеся то на двух, то на четырех лапах, что бегают они очень быстро, и захватить в плен можно только больных и очень старых».

В XVII веке голландский врач Тульпиус описал оранга под именем *Satyrus indicus*. «Это животное, – говорит Тульпиус, – ростом с трехлетнего ребенка, обладает силою шестилетнего; спина его покрыта черными волосами».

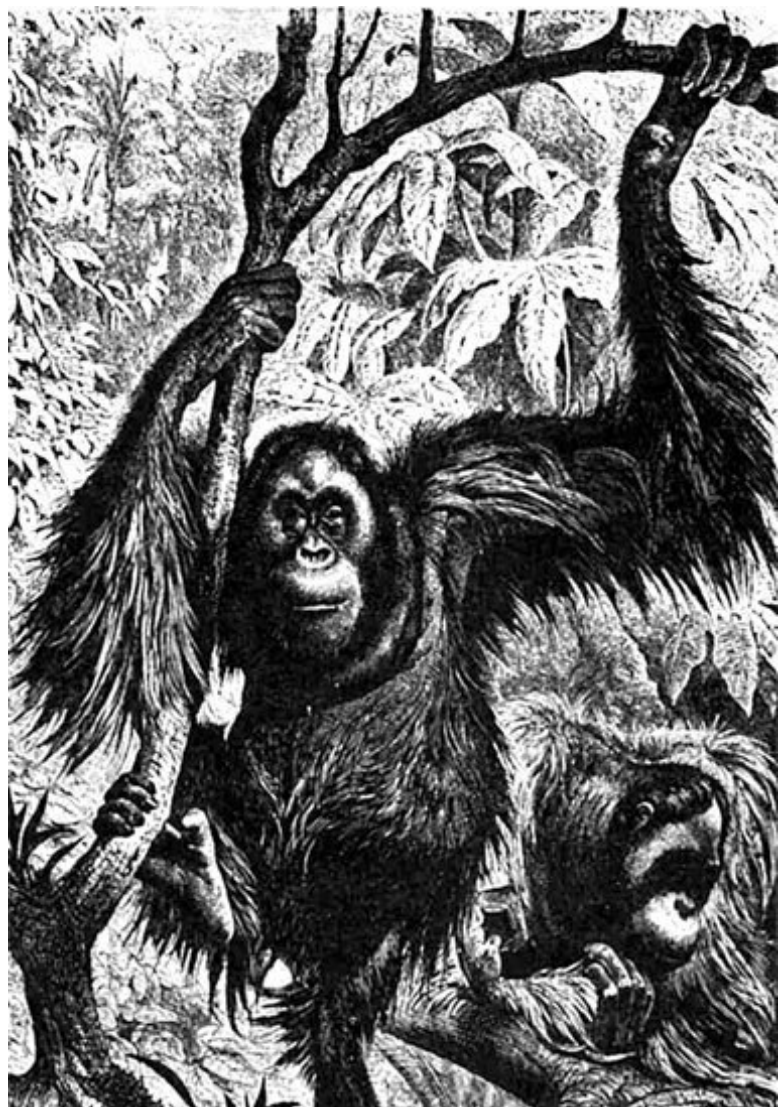
После него другой медик, Бонциус, описал оранга с полной точностью. Он говорит, что сам несколько раз видел «лесных людей». «Ходят они довольно часто на задних ногах, и движения их совершенно похожи на человеческие. Особенно удивительна была одна самка. Она стыдилась, когда ее рассматривали незнакомые люди, и не только лицо, но и все свои голые части прикрывала руками: она вздыхала, плакала и до того поступала по-человечески, что ей недоставало только дара слова, чтобы быть вполне человеком». К сожалению, путешественники позднейшего времени, с целью придать более пикантности своим рассказам, извратили описания упомянутых ученых, так что только в последнее время удалось вполне выяснить хотя бы главные, существенные черты организации орангутанга.

Это животное, известное также под именем понго, существенно отличается от гориллы и шимпанзе; поэтому натуралисты с полным правом выделяют этот род под именем *Satyrus*. Действительно, руки оранга сравнительно очень длинны и спускаются до уровня лодыжек: голова более конической формы; лоб выше; орбиты более продолговаты; уши менее выдаются; грудная клетка составлена из 12 пар ребер вместо 13, благодаря чему повыше газа образуется небольшое утончение в виде талии. Кроме того, у оранга запястье состоит из 9 костей, в то время как у человека, гориллы и шимпанзе оно состоит только из 8; пястные кости и суставы пальцев дугообразно согнуты, что дает возможность этой обезьяне сильнее хвататься за ветви. Эта особенность еще более заметна в строении нижних конечностей: подошва ноги у оранга очень выгнута.

Но размеры орангутанга не так велики, как думают иногда. Уоллес определяет их так: высота 1,27 м, с вытянутыми руками 2,40 м, и 1,10 м вокруг талии. Лицо и руки оранга, как гориллы и шимпанзе, обнажены, глаза маленькие, нос приплюснут, нижняя челюсть значительно выдается вперед, губы припухлы; кожа шеи вся в складках: она прикрывает горловые мешки, которые по воле животного могут сильно раздуваться. Руки оранга очень длинны, с вытянутыми пальцами, снабженными плоскими ногтями: как и все тело, они покрыты длинною рыжеватою шерстью, местами переходящею в черноватый оттенок. Волоса на спине и груди значи-

тельно реже, чем на боках и вокруг щек, где они образуют густую бороду.

Орангутанг живет по островам Зондского архипелага, где туземцы и дали ему настоящее название, означающее в переводе «лесной человек». По их воззрениям, эти обезьяны настоящие люди и могли бы хорошо говорить, если бы захотели, но не делают этого из боязни, как бы не заставили их работать. Любимым местопребыванием этой обезьяны служат чащи огромных лесов, где она почти не сходит на землю с деревьев. Она почти всю свою жизнь перебирается с дерева на дерево, собирая себе пищу из плодов, листьев и почек.

Однако на свободе оранга удалось наблюдать очень немногим путешественникам (между прочим, Уоллесу, доставившему нам подробные сведения о них), зато пленные обезьяны неоднократно доставляли неистощимый источник для наблюдений, которые и показали, что орангутанг по своим умственным способностям стоит едва ли не выше прочих обезьян. Постараемся доказать это примерами.

Самка оранга, принадлежавшая голландцу Восмерну, отличалась добродушием и никогда не выказывала злобы. Когда ее посадили на цепь, она пришла в отчаяние, стала бросаться на пол, жалобно кричала и рвала свои одеяла. Обыкновенно она ходила, подобно прочим обезьянам, на четвереньках, но могла хорошо ходить и прямо. Однажды ей дали полную свободу; она тотчас влезла на стропила и лазила по ним с такою ловкостью, что четверо людей должны были гоняться за нею целый час; во время этой прогулки она успела достать где-то плохо лежавшую бутылку малаги, откупорила ее, вино выпила, а бутылку поставила на место. После питья обыкновенно она утирала рукой губы, как это делают люди, и даже умела употреблять зубочистку. Перед тем как ложиться спать, она долго поправляла сено, на котором спала, тщательно вытрясала его, клала особую связку вместо подушки и закутывалась в одеяло. Раз при ней отперли ключом замок ее цепи: она с большим вниманием наблюдала за этой

процедурой, потом взяла щепочку, всунула ее в замочную скважину и принялась вертеть во все стороны. Когда ей дали котенка, она схватила его и стала обнюхивать, причем котенок оцарапал ее когтями; тогда она бросила Ваську и не хотела больше знать его. Пальцы руки этой обезьяны отличались замечательной силой и в то же время ловкостью: она так искусно умела таскать ими разные вещи из карманов посетителей, что те решительно не могли уследить за ней; развязывать самые запутанные узлы было для нее одним из любимых занятий, и она нередко старалась развязать башмаки у подходивших к ней знакомых ее хозяина. Задние руки ее были так же ловки, как и передние, и она очень часто пускала их в дело, когда нужно было что-нибудь достать...

Другой ручной орангутанг, о котором рассказывает Джеффрис, отличался своей чистоплотностью: он часто мыл в своей клетке пол мокрой тряпкой и выметал из нее сор; он же имел привычку ежедневно умывать лицо и руки.

Третий представитель этой породы обезьян, известный по описанию знаменитого Кювье, был привезен в Европу десяти месяцев и прожил во Франции около полугода. Во время морского переезда он особенно подружился с одним из офицеров и каждый обед просиживал на спинке его стула. По приезде в Испанию офицер этот высадился с корабля, и место его в столовой было занято другим. Не заметив этого сначала, обезьяна, по обыкновению, влезла на спинку стула, но когда заметила, что ее друга нет, отказалась от пи-

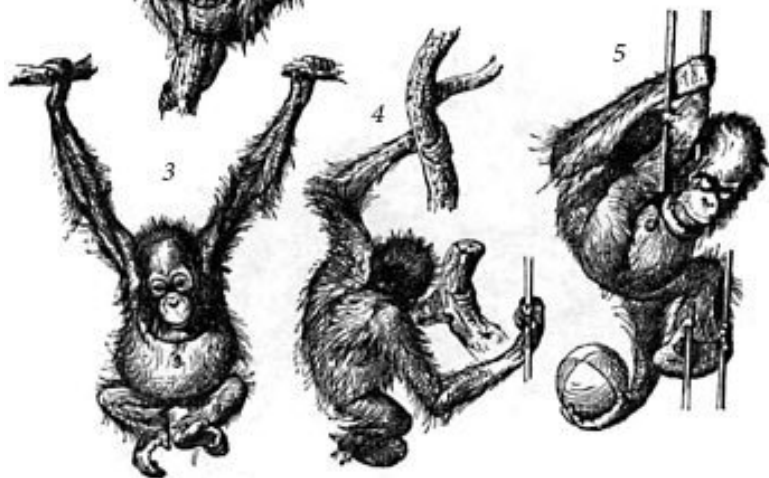
щи, бросилась на пол и в отчаянии стала биться головой, испуская жалобные крики. По приезде во Францию орангутанг этот сначала жил в Мальмезоне у императрицы Жозефины, где занимал особую комнату. Чтобы выйти из последней, он взбирался на стоявший поблизости стул, повертывал ручку и отворял дверь. Однажды стул отодвинули, чтобы обезьяна не могла выйти; но орангутанг тотчас придвинул его к двери, вскочил на сиденье и открыл дверь. За обедом этот орангутанг умел пользоваться ложкой и пить из стакана. Раз, поставив стакан на стол, обезьяна заметила, что он стоит криво и готов упасть; она тотчас же прогнула руку и поставила его как следует. Пообедав, умное животное обыкновенно накидывало себе на плечи одеяло и отправлялось на постель. Незнакомых этот орангутанг не любил, но со знакомыми был очень кроток и нередко целовал их; рассерженный же пускал в дело кулаки. Любимцами его были двое котят, с которыми он постоянно играл и которые нередко больно царапали его; он несколько раз осматривал их лапы и старался пальцами вырвать когти, но, не успев в этом, предпочитал переносить боль, чем расстаться с котятами.

Последний представитель человекообразных обезьян **гиббон** (*Hylobates*) отличается несоразмерно длинными руками. Гиббоны, которых насчитывают до 7 видов, населяют по преимуществу Ост-Индию и ближайшие из Больших Зондских островов. Тонкое, довольно стройное тело их, значительной величины (но не больше 1 метра), покрыто гу-

стым мягким мехом, черного, бурого или соломенно-желтого цвета. Голова мала и яйцевидной формы; лицо походит на человечье. Благодаря своим необычайно длинным рукам гиббоны ходят по земле очень плохо. Их хождение есть жалкое ковыляние на задних ногах, тяжеловесное переваливание тела, которое удерживается в равновесии лишь вытянутыми руками; зато лазание и прыгание по ветвям представляет у этих животных легкое и ловкое движение; для этого движения нет, по-видимому, и границ; оно как бы не зависит от законов тяжести. Гиббоны на земле медленны, неуклюжи, неловки, короче, они чужие на земле: на ветвях же они представляют прямую противоположность всему этому; это – настоящие птицы в образе обезьян. Если горилла – Геркулес между обезьянами, то гиббонов можно сравнить с легким Меркурием; недаром же один из них (лар, или белорукий гиббон) назван в память возлюбленной последнего, прекрасной, но болтливой наяды Лары, которая своим неугомонным языком возбудила гнев Юпитера, но красотой добилась любви Меркурия и благодаря этому избежала ада.

Наблюдение гиббонов на свободе представляет свои трудности, так как почти все они избегают человека. Живут они большей частью большими стадами, под предводительством одного вожака. Если их застать врасплох на земле, то можно поймать, так как, или от испуга, или чувствуя свою слабость, они не решаются бежать. Трусость – их характерная черта. Как бы ни было многочисленно стадо, оно всегда покидает

раненого товарища. Матери, однако, схватывают детенышей, пытаются бежать, падают иногда вместе с ним вниз, выпускают затем громкий горестный крик и, с раздутым гортанным мешком и расставленными руками, с угрозой загораживают дорогу врагу. Материнская любовь гиббонов проявляется, впрочем, не только в опасности, но и при всяком случае. Некоторым путешественникам приходилось иногда наблюдать интересное зрелище, как матери приносили своих малюток к воде, мыли их, несмотря на их крик, затем тщательно вытирали их и сушили, и вообще так заботились об их чистоте, что такого ухода можно пожелать и некоторым человеческим детям.

Относительно душевных способностей гиббонов мнения наблюдателей различны. Дювосель, наблюдавший одного гиббона вида сиаманг, очень дурно отзывался о нем. По его словам, это существо, лишенное всяких способностей и занимающее по степени развития ума одно из последних мест в царстве животных. Напротив, другие наблюдатели придавали тем же гиббонам много человеческих черт. У О. Форбста был молодой сиаманг (вывезенный с Суматры, где они только и водятся), который имел очень умное выражение лица. «Он очень скоро приручился и стал приятным товарищем. Изящно и вежливо брал он своими нежными, заостренными на концах пальцами то, что предлагали ему. Чтобы пить, он не прикладывал губ к сосуду, а подносил воду ко рту, черпая горстью. Он был очень мил, когда нежно и ласково обвивал мне шею своими длинными руками и прикладывал голову к моей груди, издавая довольное ворчание. Каждый вечер он гулял со мною, опираясь на мою руку. При этом фигура его имела очень оригинальный и забавный вид, когда, рядом со мною, он торопливо шагал, прямо держась на своих немного кривых ногах и странным образом размахивая над головой свободной рукой, чтобы удержаться в равновесии».

Другой наблюдатель, Гарлан, имевший гиббона-хулока (угле-черную обезьяну из Индокитая), говорит следующее.

«На мой зов он приходил, садился около меня на стул, чтобы позавтракать вместе со мною, и брал с тарелки яйца или крыло курицы, не пачкая скатерти. Он пил также кофе, шоколад, молоко, чай и т. п., и хотя обыкновенно он пил, погружая в жидкость руку, но, чувствуя сильную жажду, брал сосуд обеими руками и пил из него как люди. Его любимыми кушаньями были: вареный рис, размоченный в молоке хлеб, бананы, апельсины, сахар и т. п. Бананы он очень любил, но охотно ел и насекомых, отыскивал в доме пауков и ловко ловил правой рукой мух. Подобно индусам, избегающим мяса из религиозных побуждений, этот гиббон, по-видимому, тоже питал к нему отвращение».

Но вообще-то гиббонов редко приходится видеть в неволе, даже и на их родине: они не могут выносить лишения свободы, страстно стремятся в родные чащи лесов и умирают от тоски по родине.

В заключении упомянем, что тип человекообразной обезьяны существовал на земной поверхности уже в третичную эпоху. *Pliopithecus*, открытый Лартэ в холме Сансан, устройством зубов походит на гиббона. Также *Dryopithecus* Сен-Гадена и *Oreopithecus* с горы Монте-Бамболи должны быть отнесены к высшим обезьянам. Однако и эти обезьяны не могут считаться ближайшими предками людей.

Вторая группа узконосых обезьян – **собаководные** (*Synopithecini*) – включает в себе несколько родов,

из которых остановимся на следующих: *Semnopithecus* (**тонкотелые**), *Nasalis* (**носачи**), *Colobus* (**толстотелые**), *Cercopithecus* (**мартышки**), *Macacus* (**макаки**), *Inuus* (**маготы**) и *Cynocephalus* (**собакоголовые**, или **павианы**).

Род **мартышек** (*Cercopithecus*), так обыкновенных везде в зверинцах, водится в тропических странах Африки, в сырых лесах, по берегам рек и морей, там, где водятся и попугаи. Их несколько видов, но все они отличаются стройным, красивым телом, одетым в довольно яркую, иногда пеструю шубу, с длинным хвостом без кисти. Тонкие конечности, короткие руки с очень длинным большим пальцем, большие защечные мешки, которые натуго набиваются плодами, и значительные седалищные наросты – характерные признаки этой живой, веселой породы обезьян.

Весело глядеть на стаю этих жизнерадостных животных, когда они резвятся в лесу: их суетня, грабежи, задорные крики, гримасы и удивительные акробатические упражнения способны, кажется, рассмешить мертвого. В этой обезьяне удивительно соединены бесконечное легкомыслие и забавная серьезность.

«В общем, – говорит Пехуэль-Леше, – мартышки ведут себя на свободе так же, как и у нас, в зоологических садах, но некоторые черты их характера яснее высказываются на родине. Для наблюдения особенно удобны леса Западной Африки». Приближение стада, продолжает тот же наблюда-

тель, уже издали заметно по шелесту зеленых ветвей, треску сучков и легкому ворчанию. Каждая стая, состоящая, вероятно, из одной, сильно размножившейся семьи, держится отдельно от других, под предводительством старого и опытного самца, который идет обыкновенно впереди, постоянно подозрительно оглядываясь кругом и время от времени издавая различные звуки то для призыва, то для предупреждения своих спутников. Один характерный звук, представляющий нечто среднее между чавканьем и лаем и напоминающий иногда звук раскупориваемой бутылки шампанского, выражает, вероятно, полное довольство, так как его издают мартышки вечером, иногда после заката солнца, когда сытое и усталое стадо тесной кучей, почесывая друг друга и задумчиво взирая вперед, словно любуясь открывающейся картиной, располагается где-нибудь на дереве на ночлег.

Мартышка мона, мартышка диана

Если убить вожака, то вся стая, охваченная испугом, приходит в страшное смятение: с криком бросаются обезьяны туда и сюда, скачут от ствола приютившего их дерева к концам ветвей, потом — обратно, и если их приют стоит одиноко, так что с него нельзя перепрыгнуть на другое дерево, то большими прыжками скачут вниз, в кусты, пользуясь при этом длинным хвостом, словно рулем. Все это происходит среди невообразимой свалки, но зато и быстро прекращается, и через минуту мартышки исчезают из вида.

Эти «мародеры полей» не боятся и воды; напротив, часто замечали, как они на берегу моря, во время отлива, ловят крабов или ищут раковин, отряхиваясь от попадающих капель воды. Негры единогласно утверждали, что мартышки — отличные пловцы; целые стаи их переплывают иногда широкие реки.

Но интереснее всего наблюдать, когда такая стая отправляется на грабеж.

Шайка отправляется к засеянному полю под предводительством своего вожака, причем за большими тащатся и маленькие, зацепившись своими хвостами за хвосты матерей и держась у них под брюхом. Сначала шайка идет осторожно, стараясь шаг за шагом следовать за своим вожаком и попадая даже на то же дерево, на ту же ветку, где тот прошел. Но вот вожак влезает на самую верхушку дерева и оттуда обзревает местность. Если все обстоит благополучно, он успокаивает

вает товарищей особым мурлыканьем, в противном же случае издает короткий крик – и стадо в одну минуту кидается в поспешное бегство. Когда же опасности не предвидится, мартышки спускаются в поле – и начинается грабеж. Обезьяны жадно наскоро срывают несколько початков кукурузы и колосьев дурро, вылуцивают их и набивают зернами свои защечные мешки. Сделав эти запасы, грабители становятся разборчивее: сломив теперь початок, мартышка прежде понюхает его, поглядит и часто, найдя, очевидно, негодным, бросает, чтобы приняться за другой. И так истребляется все поле: мародеры не унесут с собой и сотой доли того, что испортили.

Между делом родители отпускают своих малышей порезвиться на свободе, впрочем, все время не спуская с них глаз, чтобы при малейшей опасности спасти свое сокровище.

Набив свои кладовые во рту и потом набрав в руки сколько можно, стадо спокойно удаляется. В случае же опасности все разбегаются стремглав по соседним деревьям. Вожак большими прыжками летит впереди, как бы указывая дорогу и особыми криками оповещая стадо, как нужно бежать, скоро или тихо. Убедившись, наконец, что опасность миновала, вожак снова занимает на дереве наблюдательный пункт и сзывает стадо. Тогда все мартышки принимаются очищать свои шкуры от засевших в них во время бегства колючек и шипов. Эту услугу оказывают обыкновенно каждая другу другу; при этом, кстати, изгоняются и паразитные насеко-

мые, исчезающие между зубами услужливого друга.

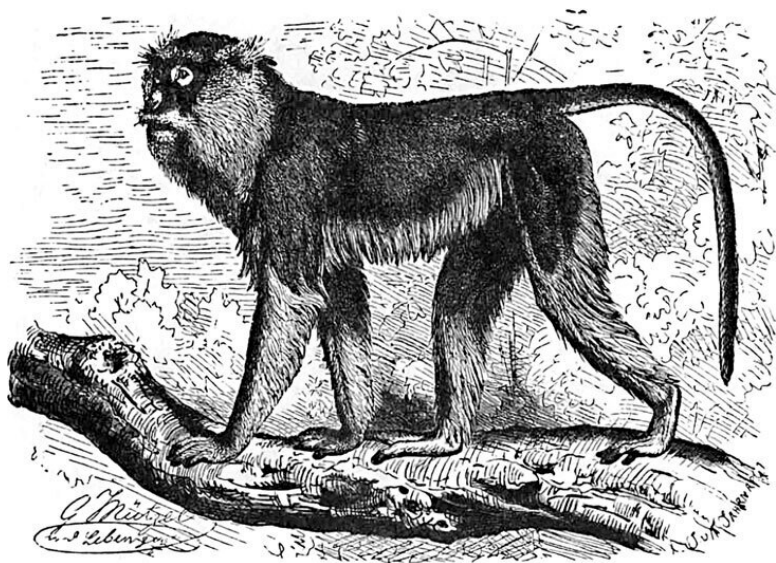
От хищных зверей мартышки мало страдают; их спасает проворство. Разве только леопарду удастся иногда поймать какое-нибудь зазевавшееся животное. От хищных же птиц они защищаются сообща.

Однажды хохлатый орлан (*Spizaetos occipitalis*), бесспорно, один из самых смелых хищников их отечества, бросился на молодую мартышку и хотел унести. Но та, заорав во все горло, уцепилась всеми четырьмя конечностями за ветку, так что ее и не оторвать. Между тем вопль ее всполошил все стадо, – и десятки товарок с гримасами и криками бросились на птицу. Последняя едва успела вырваться из рук разъяренных врагов, все-таки поплатившись многими перьями со спины и хвоста.

Наоборот, пресмыкающиеся, особенно змеи, наводят на мартышек панический ужас. Как известно, змеи часто прячутся в дуплах, но там же находятся птичьи гнезда с яйцами и птенцами, до которых мартышки большие охотницы. И вот, нашедши такое гнездо, мартышка сначала исследует его, нет ли поблизости змеи. Заглянув в дупло, она внимательно прислушивается и, если там не слышно ничего подозрительного, медленно и осторожно опускает вглубь лапу, все время опасаясь, не покажется ли оттуда голова страшной для нее змеи.

Что касается душевных качеств мартышек, то, насколько они проявляются в неволе, эти животные представляют

большой интерес для наблюдателя. Они – хитры, рассудительны, склонны к воровству, но в то же время обнаруживают большую доброту, сострадание к несчастным и нежную любовь.

Мартышка-гусар

Во время моего пребывания на Голубом Ниле туземцы продали мне 5 только что пойманных мартышек. Я привязал их к борту судна. Они печально сидели кучкой, закрыв лицо руками и время от времени издавая заунывные звуки, словно совещались между собою о бегстве. На следующее утро

четверо из них действительно бежали, развязав, по-видимому, друг другу веревки; пятый же товарищ, сидевший в стороне, был, видимо, забыт ими и оставлен в плену.

Пленник, после нескольких попыток освободиться, скоро свыкся с неволей и стал принимать пищу. К людям он относился сердито, но нежное сердце его, видимо, жаждало привязанности, и Коко – как мы прозвали его, – обратил ее на птицу калао (*Buceros*), которую мы везли из его далекой родины. Вероятно, его подкупило добродушие птицы. Оба животных скоро так подружились, что все время проводили вместе, причем обезьянка пресерьезно искала в перьях своего друга паразитных насекомых. Дружба продолжалась и в Хартуме, но здесь калао околела. Скучающий Коко, получивший уже тогда свободу, хотел было тогда обратить свою благосклонность на гулявших по двору кошек, но те встретили его пощечинами, а раз даже сильно потрепали. Наконец, ему попалась одна обезьянка, мать которой была убита. При виде сироты обрадованный Коко чуть не задушил ее в своих объятиях: он прижимал ее к себе, любовно воркуя, и немедленно принялся за чистку шкурки сиротки. Затем последовали новые объятия, и скоро Коко привязался к сироте, словно родная мать; он приходил в ярость, когда у него отнимали обезьянку, и потом долго ходил печальный. К несчастью, его приемыш через несколько недель умер. Отчаяние Коко не имело границ. Он брал своего мертвого любимца на руки, ласкал и гладил его, нежно мурлыча, но видя,

что обезьянка остается неподвижной, разражался жалобными воплями, надрывавшими душу. Мы были глубоко тронуты. Наконец, я велел отнять труп обезьянки и забросить его за забор. Тогда Коко, как безумный, кинулся за ним, принес его обратно и снова стал ласкать. После этого мы зарыли труп, но через полчаса исчез и Коко.

Горе родной матери по умершему детенышу бывает у мартышек так сильно, что она умирает от тоски.

Испытал и я капризы, и воровские наклонности мартышек. Особенно памятна мне в этом отношении одна, привезенная мною на родину. Она начала с того, что привела мою мать в полное отчаяние, бросившись за курами, – и ничто потом не могло отучить ее от этого занятия. Гассан – так звали нашу обезьянку, – скоро изучил расположение всего дома, начиная от чердака и кончая кладовыми, и таскал все, что ни попадалось, особенно любил он куриные яйца и сливки. Первое мать как-то заметила и побила его; на другой день он принес ей с уморительными ужимками целое яйцо, положил его перед ней, помурлыкал и убежал. Что касается до сливок или молока, то вороватая обезьяна сначала выпивала их на месте, в кладовой, но когда это заметили, стала хитрить: брала крынку молока и, утащив куда-нибудь, выпивала на свободе, а посуду бросала и разбивала. Когда же и за это побили ее, Гассан стал приносить матери целые крынки из-под молока, но пустые, что немало забавляло ее.

С людьми Гассан был любезен, но сохранил свою незави-

симость и часто, хотя отвечал на зов, но не трогался с места, а когда его хватали силой, кусался или притворялся больным, даже умирающим. Из животных же он больше всего сошелся с самкой павиана, также привезенной мной домой. Она нянчила его, беседуя разнообразными горловыми звуками, гуляла с ним. Гассан платил ей полной взаимностью и послушанием, делясь с другом каждым лакомым кусочком. Однако, как только Гассан не хотел делиться, отношения их сейчас же менялись: павиан бросался на беднягу, как лютый зверь, силой раскрывал ему рот и вытаскивал пищу из защечных мешков, да вдобавок еще и колотил жертву своего насилия.

К несчастью, вторая холодная зима в Германии прекратила эту своеобразную дружбу: бедный Гассан зачах и скончался, всеми оплакиваемый в доме.

Из многих видов мартышек отметим следующие:

- 1) **зеленая обезьяна**, или **обуланж**, а также **ниснас** арабов (*Cercopithecus sabaeus*), до 1/2; арш. в длину, причем хвост занимает половину; верхняя часть тела покрыта светло-зелеными полосами, конечности и хвост – пепельно-серые, бакенбарды беловатые, лицо светло-бурое, морда, нос и брови черные; на западе Африки встречается близкий вид, может быть, только разновидность ее, *C. griseoviridis*;
- 2) **диана**, или **бородатая мартышка** (*C. diana*), маленькое стройное животное, которое легко узнать по длинным бакенам и бороде; тело ее большей частью темно-серое, спина

пурпурно-коричневая, а нижние части тела – белые;

3) **мона** (*C. mona*), похожая на диану, но каштаново-бурого цвета с желтовато-белой грудью, без бороды. Длина ее – около 2 ф., хвост несколько больше;

4) **муйдо** (*C. serphus*), живущая в Леанго, а также в Нижней Гвинее, голуболицая мартышка с роскошным мехом оливково-зеленого цвета с золотистым отливом; лицо – голубое, цвета кобальта; борода – ярко-желтая, хвост ржаво-красный. Вообще, это наиболее ярко и красиво окрашенная обезьяна. Любимое место обитания – болотистые прибрежные леса. Описание нравов мартышек, приведенное нами выше, относится главным образом к голуболицей мартышке;

5) **гусар** (*C. ruber*), красная восточноафриканская обезьяна, в противоположность предыдущим видам, одна из скучнейших и неприветливых мартышек. По росту она наполовину или на треть больше предыдущих, название получила от ржаво-красного, иногда золотисто-красного цвета шерсти на спине; лицо у нее черное, бакенбарды – белые, нижняя часть тела также белая. Водится по преимуществу в степных местностях. Нрав у нее неуживчивый: гусар во всех видит своих врагов, все ему надоедает, и самые невинные шутки принимаются за обиду. Простой взгляд сердит его, а хохот приводит в страшную ярость. Ввиду такого характера его что-то не видать в неволе.

6) **Мангаб**, или **черномазая обезьяна** (*C. fuliginosus*) – некоторыми учеными выделяется в особый род вследствие своих сильно выдающихся

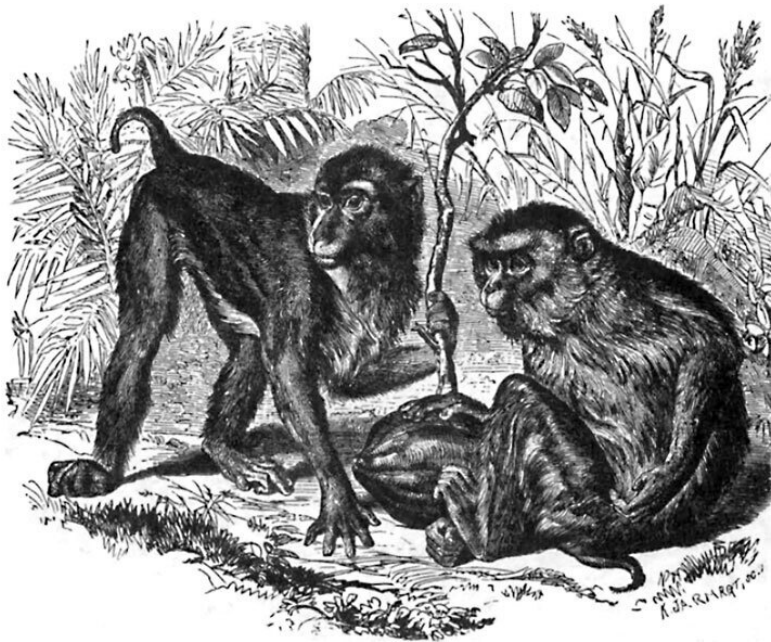
надглазных дуг. Туловище его достигает длины 2 ф. 2 д., хвост несколько меньше: сверху эта обезьяна черного цвета, снизу серого. Водится в Западной Африке; здесь же встречается и другая, похожая на нее обезьяна (*C. albigena*), которую Пехуэль-Леше описывает так: «Мбукумбуку, – как называют его туземцы берега Лоанго, – живет в больших лесах группами в 2–3 штуки. Она не так подвижна, как другие мартышки, но также ловко лазает по деревьям, быстро бегает по земле и отлично плавает. Название свое получила от звука, который издается самцом...»

На нашем дворе жила ручная черная обезьяна, красивый самец, прозванный нами Арапом; она обладала большими способностями, значительно развившимися от воспитания. У нее замечалось четыре сложных звука, которыми она выражала свои желания; особенно правильно издавала она два звука: один выражал желание пищи, другой издавался, когда выражалось желание устранить какое-нибудь препятствие с помощью людей. Между тем все другие наши обезьяны, за исключением горилл, никогда не кричали, чтобы позвать отсутствующих людей. Арапка был очень привязчив, но зато умел и ненавидеть: тогда он с быстротою молнии кидался на своего неприятеля, рвал у него платье, бил по щекам и больно кусался. Ловкостью он отличался изумительной: он умел развязывать сложный узел веревки, к которой был привязан, притом старался распутать непременно тот узел, которым веревка

прикреплялась к его телу, чтобы она не волочилась за ним. Если же она где-нибудь запутывалась, Арапка внимательно рассматривал ее, и почти всегда ему удавалось распутать ее. Смешнее всего было на него смотреть, когда он старался разгадать что-либо непонятное для него, напр., когда мы производили астрономические наблюдения. Тогда он садился около нас на землю, ящик или бочку, принимая положение человека, о чем-нибудь серьезно размышляющего; подперев рукой подбородок или приложив указательный палец на губы и тихо мурлыча, он неустанно, с полным вниманием следил за нашей работой. Про ловкость и акробатическое искусство я уже не говорю: они снискали нашему Арапке общее расположение.

Под именем **макаков** (*Macacus*) известна не очень многочисленная группа обезьян, живущих в Юго-Восточной Азии. Все они отличаются приземистым телосложением, не очень длинными конечностями, снабженными на больших пальцах плоскими ногтями (на прочих пальцах ногти в виде черепицы крыши), большими защечными мешками и большими седалищными мозолями. Хвост бывает разной длины: у одних видов очень большой, у других – почти вовсе незаметный. Морда мало выдается вперед, зато нос – выдающийся. Сближенные ноздри довольно малы. Волосы на голове у некоторых пород разделены как бы пробором, у некоторых почти голый череп украшен на темени пучком волос вроде хохла.

Наиболее известен из макаков – яванский **макак**, или **моньет** яванцев (*Macacus cynomolgus*), небольшое создание с телом в полтора фута и такой же длины хвостом, распространенное по всей Юго-Восточной Азии. Цвет шерсти – довольно неопределенный: на верхней части тела оливково-бурый с черным, на нижней – светло-серый; кисти, ступни и хвост черные. Пищу его составляют как плоды всевозможных деревьев, так и крабы и моллюски; поэтому стада макаков можно встретить и в лесу, и на берегу моря.

Свинохвостый макак, или лапундер

Путешественник Юнгхун пишет: «Мы проходили через одну яванскую деревню, около которой находился небольшой фиговый лес, окруженный садами и полями. На полянке в лесу поставили несколько стульев. Придя сюда, сопровождавшие нас яванцы стали бить в кусок бамбукового ствола; в лесу зашумело – и через несколько минут на полянке стали появляться серые обезьяны, большие и маленькие. Всего набралось штук до 100. Явившись на площадку, они, видимо,

никого не боялись и были до того ручные, что брали из наших рук рис и пизаг, припасенные нами для угощения. Два очень больших бородатых самца особенно отличались своею смелостью, но в то же время бесцеремонно колотили и кусали попадавшихся им навстречу товарищей, да и между собою они, видимо, были не в ладах. Покормивши обезьян, мы возвратились в деревню, а обезьяны убежали в лес. Кто положил начало этому оригинальному обычаю кормления макак, — яванцы не могли объяснить...»

Похожий и по внешнему виду, и по характеру на мартышек, яванский макак так же, подобно им, обыкновенен в наших зверинцах и так же забавен и ловок, как мартышки. В зверинцах и цирках часто учат его разным акробатическим штукам. Содержание его в неволе — не затруднительно, так как макак ест то же, что и человек, начиная с простого хлеба: молоко, говядину, спиртные напитки... не откажется и от зеленой ветки какого-нибудь дерева. Но чем разнообразнее его пища, тем он становится разборчивее; впрочем, при нужде он и опять возвращается к простому столу.

Другой макак, **бундер** (*Macacus rhesus*), считается у индусов священным животным, подобно хульману. Туземцы не только не охотятся за ним, но открывают настежь перед ним свои дома и, по словам кап. Джонсона, оставляют на своих полях одну десятую часть жатвы; обезьяны спускаются с гор и забирают эту подать. Так поступают жители Бока.

Вблизи же Биндрабуна, т. е. «обезьяньего леса», по словам того же Джонсона, существует более сотни садов, где специально разводят для бундеров любимые их плоды. Нечего и говорить, что в таких местах вороватость обезьян и страсть к грабежу превосходит всякое вероятие, — и они становятся невыносимо наглы.

Однажды жена одного важного английского чиновника, леди Баркер, давала в Симле парадный обед. Стол был уже совершенно накрыт и украшен цветами. Ожидали гостей, и хозяйка пошла переодеться. Слуги же, вместо того чтобы охранять комнаты, куда-то скрылись. Представьте же себе удивление хозяйки, когда она возвратилась в столовую: обширная комната была занята гостями, да только не теми, которых она ожидала; в столовой хозяйничала целая стая бундеров, влезших из соседнего сада через открытые окна. Можно себе представить гнев почтенной леди при виде ее ограбленного стола!

Те же бундеры сыграли с леди Баркер и другую шутку. У нее была маленькая собачка Фюри, не ладившая с обезьянами, и вот в один прекрасный день одна из обезьян схватила собачку и, несмотря на ее жалобный вой, утащила на вершину дерева, откуда, помучив вдоволь, со всей силы швырнула вниз. Бедная Фюри тут же околела, а обезьяны, видимо, радовались своему мщению.

Родствен макакам **магот**, единственная обезьяна, встречающаяся в Европе на свободе. Магот (*Innus ecaudatus*), из-

вестный также под названием турецкой, варварской, или обыкновенной обезьяны, представляет из себя стройное животное с длинными тонкими конечностями. Морщинистое лицо его, украшенное густыми бакенбардами, уши, ноги и руки – телесного цвета, шерсть красновато-оливковая, в старости – черная; нижняя часть тела – более светлого, желтовато-серого цвета. Длина тела – фута полтора.

Самый крупный и вместе непривлекательный представитель собакоголовых обезьян – **павиан** (*Сynoscephalus*), распространенный в гористых местностях (а отчасти в лесах) Африки, Аравии и Индии. Кроме того, павианы едва ли не единственные обезьяны, которые могут жить на высоте 3–4 тыс. футов выше океана, доходя даже до снеговой линии. Пищу их составляют преимущественно луковицы, корни, клубни, ягоды и мелкие животные вроде кур, хотя в Вост. Африке павианы нападают даже на мелких антилоп. Подобно прочим обезьянам, это – величайшие грабители полей и садов, настоящие бичи местного населения.

Несимпатичной, даже отталкивающей наружности их вполне соответствует и их характер. «Все павианы, – говорит Шейтлин, – более или менее злы, свирепы, бесстыдны и коварны; взгляд их лукавый, душа – злобная. Зато они гораздо понятливее и умнее многих мелких обезьян. Особенно ярко проявляется у них свойственная всем вообще обезьянам способность к подражанию, так что они могли бы сделаться

совсем похожими на людей, но никогда не достигают этого. Защищаются они упорно и с большим мужеством. В молодости павианы способны к приручению, но в старости, когда их ум и чувства притупляются, дурная натура берет свое: они опять становятся непослушными, царапаются, кусаются. Говорят, что на свободе они и умнее, и развитее, в неволе же – более кротки и понятливы. Это семейство, – заканчивает Шейтлин свою характеристику, – называют собакоголовыми, но хорошо бы было к собачьей голове прибавить им и собачий нрав!»

Нельзя не согласиться с приведенными словами. Правда, и у павианов есть хорошие качества – они привязаны друг к другу, любят своих детенышей, а также кормящего их человека, – но безнравственность и порочность их совершенно затушевывают хорошие черты. Коварство у них соединяется с взрывами страшного, беспричинного гнева: одного неосторожного слова или насмешливой улыбки достаточно, чтобы привести их в бешенство, – и тогда павиан забывает даже того, кого любит.

Человека эти обезьяны обыкновенно избегают, но в случае крайности вступают в отчаянный бой с ним, так же как с собаками, леопардами и даже львами. Боятся они только ядовитых змей, зато скорпионов пожирают с удовольствием, предварительно вырвав жало.

Весьма многочисленный род **павианов** (Synocephalus)

заклучает в себе несколько видов, как то: **бабуин** (*Cynocephalus babuin*), **чакма** (*C. porcarius*), **сфинкс** (*C. sphinx*), **гамадрил** (*C. hamadryas*), **мандрил** (*C. mormon*), **дрил** (*C. leucophaeus*), **черный павиан** (*C. niger*), **гелада** (*C. gelada*), **бородатая обезьяна** (*C. silenus*).

Бабуины распространены в Абиссинии, Кордофани и Средней Африке, где встречаются большими стадами на маисовых и просяных полях, которым они приносят сильный вред. Они очень смелы и хитры. Как только сторожа прогонят их, выждут их ухода и опять принимаются за грабеж. Не боятся они и охотников; впрочем, от ружейного дула держатся на почтительном расстоянии. Раненые животные уводятся своими товарищами. Вожаки зорко следят за малейшею опасностью, охраняя покой стада. Несмотря на свой неуклюжий вид, это очень ловкие животные, смело взбирающиеся на величайшие деревья. По природе они храбры, но при встрече с европейцами чувствуют страх и, дотронувшись, мгновенно отскакивают с громким криком. Характерно также их волнение перед грозой или ливнем. В неволе бабуины скоро приручаются и остаются преданными своему хозяину, причем самки добродушнее самцов, склонных к коварству.

Во время моего вторичного пребывания в Восточном Судане у меня жило несколько павианов, которых мы научили разным фокусам, даже верховой езде на осле. На спину этого терпеливого животного они усаживались втроем-вчетвером.

И комичную же картину представляли из себя эти всадники! Первый павиан нежно обнимал руками шею осла, ногами же судорожно вцеплялся в шерсть его, второй – обнимал руками первого, ногами же точно так же вцеплялся в осла; так же поступали и остальные.

Все эти павианы были по природе храбрые животные и не раз обращали в бегство собак; даже жившая у нас ручная львица не внушала им страха. Тем забавнее было видеть непреодолимый страх их пред гадами и пресмыкающимися. Вид самой безвредной ящерицы или лягушки приводил их в ужас и обращал в дикое бегство. Тем не менее они не могли удержаться от жгучего желания взглянуть на страшное животное. Сколько раз я приносил им в жестяных коробках ядовитых змей! Они отлично знали, что заключалось в них, тем не менее постоянно с любопытством заглядывали в коробку, чтобы сейчас же в ужасе отскочить назад.

Одного из этих павианов я привез домой, в Германию, и он своими шалостями доводил, что называется, до белого каления нашу дворовую собаку. Когда та, удобно растянувшись на зеленой траве, предавалась отдыху, Атила – как звали павиана, – тихонько подкравшись, хватал ее за хвост и вдруг дергал со всей силы. Собака бешено вскакивала и бросалась на врага. Но тот, спокойно выждав приближение противника, перескакивал через него и снова хватал за хвост. Понятно, что собака окончательно выходила из себя, но ничего не помогало, и дело кончалось обыкновенно тем,

что, поджав хвост, она убегала с жалобным воем от злорадовавшего павиана.

Атила любил приемышей; между ними была и мартышка Гассан, о которой я говорил выше, как он обижал маленькую обезьянку, вытаскивая из ее рта пищу. Не довольствуясь, однако, одним любимцем, Атила крал везде, где только мог, щенят и котят и подолгу возился с ними. Однажды такой приемыш – котенок – оцарапал его. Атила внимательно осмотрел лапы любимца и, отыскавши когти, причинившие ему боль, без церемонии откусил их.

Обществом людей он очень дорожил, предпочитая, однако, мужчин женщинам, которым он всячески досаждал. Догадливость его доходила до того, что он умел отворять и закрывать двери, открывал шкатулки и обворовывал дочиста, а живя зимою в хлеву, снимал двери с петель, выпускал коз и свиней и позволял себе другие проказы. Ел он все съедобное, в особенности картофель, и, что удивительно, очень любил табак и табачный дым.

Чакма, или медвежий павиан

Привязанность его ко мне была безгранична: я мог делать с ним, что хотел, даже, случалось, наказывал его, а он сердился на других, напр. На присутствовавших в это время в комнате, вероятно, считая их виновниками своего наказания.

Когда Гассан умер, он сильно горевал, и я, боясь за его участь, продал его в зверинец, где ему нашлась подходящая компания.

Из других представителей рода павианов следует упомянуть еще о **гамадриле** (*Cynocephalus hamadrias*), живущем в горах Абиссинии и Южной Нубии, поблизости воды и растительности, еще лучше – полей. Эти оригинальные павианы, достигающие в длину до 1 1/2 арш., причем только 8 дюйм. приходится на хвост, украшены длинной мантией, длина волос которой доходит до 10–12 дюймов. Рано утром, в хорошую погоду, стадо гамадрилов медленно и спокойно отправляется вдоль отвесных скал, причем то сорвут растение, корень которого употребляется ими в пищу, то свернут с места камень, чтобы достать из-под него улиток или насекомых. К вечеру, нагулявшись и вволю насытившись, стадо направляется на ночлег, поблизости какого-нибудь поля.

Гамадрил, или плащеносный павиан

Однажды мне пришлось увидеть стадо гамадрилов на гребне кряжа, довольно круто спускавшегося в обе стороны. Мне уже издалека бросились в глаза высокие фигуры старых самцов, но я принял их за обломки скал, на которых эти животные так похожи. Но отрывистый, громкий лай, который можно передать звуком «кук», сразу разубедил меня. Павианы повернули ко мне головы. Только детеныши про-

должали беззаботно резвиться, да несколько самок не бросали своего любимого занятия – «искания» в шерсти самца. Но вот бывшие с нами борзые собаки с громким лаем бросились вперед. Тогда обезьяны поднялись на ноги, одна за другой двинулись вдоль хребта и скоро исчезли из наших глаз. Однако, обогнув долину, мы снова увидели их на узком карнизе скалы; просто невероятно было, как только они держались. Вспугнутое нашими выстрелами, все стадо принялось мычать, лаять и кричать ужасным образом, затем опять снялось с места. Однако при новом изгибе долины мы еще раз встретили его; павианы только что начали подниматься на противоположащие горы. Собаки кинулись на них. Тогда мы увидели редкое зрелище: при виде врагов старые самцы, уже поднявшиеся было на гору, поспешно спустились вниз и стали громко рычать, разевая свои страшные пасти, сердито колотя руками о землю и кидая на собак такие свирепые взгляды, что наши отважные животные с ужасом отступили. Однако мы успели снова науськать их; но гамадрилы почти все уже поднялись вверх, только один полугодовалый детеныш замешкался что-то. Собаки кинулись к нему; тот с пронзительным криком бросился на обломок скалы. Мы уже думали овладеть им. Но случилось другое. Величественно и гордо, не обращая на нас никакого внимания, один из самых сильных самцов спустился прямо к собакам и навел на тех прямо панический страх своими блестящими глазами, затем подошел к детенышу, обласкал его и, взяв на руки, на-

правился обратно мимо собак – и те были так сконфужены, что беспрепятственно пропустили его. Этот мужественный подвиг вселил и в нас такое уважение к гамадрилам, что мы не пытались даже разрядить по ним своих ружей.

Семейство **широконосых**, или обезьян Нового Света (*Platyrrhini*), резко отличается от рассмотренных нами животных уже по внешнему виду. Тело их худощаво и снабжено в большинстве случаев цепким хвостом; большой палец передних конечностей не может быть противопоставлен другим пальцам, как этот же палец на задних конечностях; ногти – плоские; вместо 32 зубов – 36; ни защечных мешков, ни седалищных мозолей нет; морда не выдающаяся; носовая перемычка широкая; окраска шерсти никогда не бывает так пестра, как у обезьян Старого Света. По характеру широконосые обезьяны также отличаются от узконосых: они ленивее, скучнее и тупоумнее, хотя в то же время добродушнее и безвреднее. Отечество их – Южная Америка, начиная с 29° сев. ш. До 25° южн. ш. Широконосые делятся на 2 подсемейства:

- 1) **цепкохвостые** (*Cebidae*), у которых хвост является хорошо развитым хватательным органом, как бы пятою рукою;
- 2) **мягкохвостые** (*Rithecidae*), снабженные слабодействующим, мягким, пушистым хвостом.

К первому подсемейству принадлежат роды: **ревун**

(Mycetes), **цепкие** (Ateles), **сапажу** (Cebus); во втором подсемействе рассмотрим роды: **лисьехвостые**, или **саки** (Pithecia), **прыгуны** (Callithrix), **саймири** (Chrisotrix) и **ночные** (Nyctipithecus).

На первом месте среди всех цепкохвостых следует поставить ревунов (Mycetes). Это обыкновенно плотные, с высокой, пирамидальной головой и выдающейся мордой небольшие обезьяны, покрытые густой шерстью, которая, удлинняясь на подбородке, принимает форму бороды. Типическим признаком их служит также пузыревидно-вздутая подъязычная кость и длинный цепкий хвост. Любимым их местопребыванием являются пустые, высокие и сырые леса Южной Америки.

Ревунов два вида. **Акуат**, или **рыжий ревунок** (*M. seniculus*), отличается рыжевато-бурою шерстью, имеющей посреди спины золотисто-желтый цвет; волосы короткие, жесткие, без подшерстка. Длиною он – 4 фута 5 д., из которых около половины приходится на долю хвоста; самка меньше ростом и темнее. Другой вид, **карайя**, или **черный ревунок** (*M. niger*), покрыт черной и более длинной шерстью; только у самки она желтовата на брюхе. Величина почти та же. Первый вид распространен по всей восточной половине Ю. Америки, второй – преимущественно в Парагвае.

Оба вида недаром получили название ревунов. «По приезде моем, – говорит Шомбург, – мне часто приходилось слышать при восходе и закате солнца ужасный рев этих живот-

ных, доносившийся из дремучего леса. Однако выследить их долго не удавалось. Наконец, однажды утром, после продолжительных поисков, я наткнулся на целое общество их. Оно сидело на высоком дереве и задавало такой ужасный концерт, что издали казалось, будто все лесные звери вступили тут в смертельный бой: звуки напоминали то хрюканье свиньи, то рев ягуара, бросающегося на добычу, то страшное рычание этого хищника, когда он чует врагов. Впрочем, это страшное общество способно было вызвать и улыбку у самого мрачного ипохондрика, если бы он видел, с каким серьезным выражением бородатые певуны смотрели друг на друга. Мне передавали, что у каждого стада есть свой запевала, который отличается от всего хора, состоящего из одних басов, своим высоким, пронзительным голосом...»

Жизнь ревунов – довольно однообразна. Днем они рассаживаются по высоким деревьям, на ночь же спускаются на более низкие деревья и, спрятавшись в их густой листве, предаются сну. Даже во время процесса питания движения их ленивы: медленно перелезают они с ветки на ветку, неторопливо срывая листья и почки и еще неторопливее поднося их ко рту, а насытившись, усаживаются, скорчившись на каком-нибудь суку, точно дремлющие дряхлые старики. Что делает один, то в точности повторяют и остальные. «Поистине удивительно, – говорит А. Гумбольдт, – до чего однообразны движения этих обезьян: каждый раз, когда нужно перейти на другое дерево, самец, идущий во главе стада, ве-

шается за хвост и, повиснув таким образом на ветке, раскачивается до тех пор, пока не ухватится за ближайшую ветку соседнего дерева, — и все стадо в точности и в том же месте проделывает такие же движения».

Что замечательно у этих животных, так это их цепкий хвост, на котором они могут свободно висеть целыми часами, даже мертвые. Ревун пользуется этой «пятой рукой» при каждом движении: двигаясь вперед по какой-нибудь ветви, он до тех пор не выпускает ее из рук, пока его хвост не нащупает надежной точки опоры и не обовьется вокруг нее 2—3 раза. Слезая с дерева, он также держится хвостом за ветку, которую собирается покинуть, пока не найдет руками новой точки опоры, а влезая на дерево, держится хвостом за нижнюю ветку, пока руками и ногами не ухватится за верхнюю. По-видимому, хвост у него сильнее рук.

Привыкнув к лазанью по деревьям, ревуны редко спускаются на землю и то только тогда, когда им нельзя напиться, свесившись с дерева. Воды они страшно боятся и плавать не умеют.

Любимое их занятие — концерты. «Вот стадо избрало себе исполинскую смоковницу, — рассказывает Гумбольдт, — густая листва ее защищает ревунов от солнца, а мощные горизонтальные ветви как нельзя лучше приспособлены для прогулок. Глава семьи избирает себе одну из ветвей, прочие располагаются поблизости, — и он, поджав хвост, начинает медленно, с важностью прогуливаться взад и вперед. Вскоре

начинается его рев, сначала тихий, отрывистый, словно певец пробует силу своих легких; затем понемногу звуки растут, усиливаются и, наконец, сливаются в непрерывный рев. В это мгновение остальные, до сих пор бывшие молчаливыми слушателями, с воодушевлением подхватывают, присоединяя свои голоса к голосу запевалы, – и в тихом лесу около 10 секунд слышится ужасный концерт. Затем постепенно все затихает, оканчивая рев такими же отрывистыми звуками, какими начали, только не так продолжительными».

О рыжем ревуне, населяющем леса Гвианы, Капплер говорит: «Он живет небольшими стадами, состоящими не более как из 10 штук, среди которых находится вожак, старый самец, управляющий отвратительным концертом. Каждый раз, когда мне случалось близко наблюдать этих животных, на вершине дерева оказывался вожак. Время от времени он выпускал ужасно хриплый крик вроде „роху! роху!“ и, повторив его 5–6 раз, поднимал неимоверно громкий рев, к которому присоединялись и остальные ревуны. Рев был такой, что можно было опасаться оглохнуть... Трудно объяснить, что заставляет ревуна кричать. В колониях думают, что он ревет при наступлении прилива, но это предположение ошибочно, так как обезьяны эти кричат во всякое время дня. Весьма вероятно, что причиной рева являются какие-нибудь особенные явления в атмосфере... Ревун ленив и угрюм; он прыгает только тогда, когда его преследуют, обыкновенно же

лазает медленно. Будучи пойман молодым, он скоро привыкает к человеку и домашним животным, но угрюмость не покидает его. Если человек, к которому он привязан, на время удалится от него, он начинает издавать хриплые звуки, в высшей степени неприятные. Неприятен также и запах, который имеют ревуны и по которому легко узнать в лесу о близости их».

Ленивый, неповоротливый ревун не любит без нужды покидать приютившее его дерево и потому совсем не грабит плантации или бахчей. Напротив, он сам служит предметом охоты, так как и мех его в большом ходу в Америке, и мясо считается очень вкусным даже европейцами, не только индейцами.

Самка ревуна мечет в год по одному детенышу (от конца мая до начала августа), который, как и у обезьян Старого Света, первые недели висит на брюхе матери, уцепившись за нее руками и ногами, потом переходит на спину. Это – такое же скучное создание, как и взрослый ревун, только благодаря большой выдающейся гортани, пожалуй, еще безобразнее. Тем не менее мать любит этого уродца и, даже будучи смертельно ранена, не покидает его; впрочем, индейцы уверяют, что она довольно равнодушна к нему.

Другой род, *Ateles*, – **цепкие обезьяны** справедливо получили за свою оригинальную фигуру название паукообразных. Действительно, голова у них маленькая, конечности необычайно длинные, тело худое, лицо безбородое, отече-

ством их служит Южная Америка до 25° ю. ш., а местопребыванием – вершины самых высоких деревьев; живут стадами в 10–12 штук, иногда же – парами. Виды их мало отличаются друг от друга.

В Гвиане живут два вида: **коата** (*Ateles paniscus*) и **маримонда**, или **ару** (*A. beelzebuth*). Первый – наиболее крупный представитель своего рода, до 4 ф. 5 д., из обезьян заменяет **чамаек** (*A. pentadactylus*), около 2 ф. длиной, с 2 фут. хвостом. Покрит длинной черной шерстью и вместо большого пальца имеет короткий отросток. В Бразилии же представителем паукообразных обезьян является **мирики** (*A. hypoxanthus*), немного больше ростом чамака, покрыт густой, волнистой шерстью, более половины приходится на хвост. Покрит грубой черной, слегка рыжеватой шерстью. Нрава добродушного.

В Квито, Панаме и Перу вышеназванный иногда – беловато-серо-желтого цвета. Но самая красивая из всего рода, бесспорно, **золотолобая обезьяна** (*A. bartletii*), открытая младшим Бартлетом в Перу и названная в честь его. Густой длинный и мягкий мех ее наверху – черный, на нижней части тела – буровато-желтый; на лбу – золотисто-желтая полоса, бакенбарды – белые; нижняя сторона тела и хвоста, внутренняя поверхностей и наружная сторона голеней задних ног буровато-желтые, немного светлее, нежели полоска на лбу, и местами испещрены отдельными черными полосами. Все голые части лица и рук – черно-

бурые. Что же касается размеров тела, то, по-видимому, они близки к размерам тела других видов того же рода.

С жизнью цепкохвостых обезьян на свободе нас познакомили Гумбольдт, Макс-Вид и Шомбург. В Гвиане они встречаются лишь в низко лежащих лесах, небольшими стадами в 6 штук. Они отлично лазают по деревьям, причем им много помогает хвост; иногда случается видеть целое общество их, свесившееся на хвостах. На ровном месте походка их неровная, колеблющаяся; они как бы хромают. Находя вдоволь пищи в девственных местах, эти обезьяны не наносят ущерба полям, тем не менее их усердно преследуют частью из-за шкуры, частью из-за мяса. Тихий, по сравнению с ревунами, но все же довольно громкий голос выдает охотникам присутствие обезьян, которые, заметив своего врага, обращаются в бегство, с боязливой поспешностью протягивая вперед длинные конечности, хватаясь за ветки хвостом и таким образом быстро передвигаясь.

Четвертый род цепкохвостых обезьян – **сапажу** (*Cebus*), отличаются тем, что хвост у них хотя и может обвиваться вокруг древесных ветвей, но не служит органом хватания; кроме того, он со всех сторон покрыт волосами, тогда как у ревунов он обнажен на конце с нижней стороны. Сапажу – довольно пропорциональны; теменная часть их головы округлена; руки – средней длины; мех – густой и короткий.

По характеру это настоящие мартышки Нового Света, жи-

вые, шаловливые, любопытные и капризные. Голос их, довольно плаксивый, обыкновенно при малейшем возбуждении превращается в отвратительный визг. Живут они на деревьях в Бразилии, где соединяются в многочисленные общества. Из американских обезьян это – наиболее обычное у нас, в Европе, в зверинцах, животное, особенно один вид – капуцин, или кайя («обитатель леса» – на языке индейцев-гуаранов).

Капуцина (*C. sарисіnus*) следует считать наиболее крупным представителем из всех сапажу, так как длина тела доходит до 1 ф. 6 дюйм., а хвост – до 1 ф. 2 д. Отличительный признак его – голый уже с ранней молодости, морщинистый лоб светлого мясного цвета; мех вообще темно-бурый, но бакенбарды, горло, грудь и брюхо – светло-бурые. Капуцин водится на деревьях, небольшими семьями в 7–10 членов; наблюдать его трудно, так как он пуглив и робок.

«Однажды, – рассказывает Ренггер, – мое внимание привлекли приятные тоны, похожие на звуки флейты, и я увидел старого самца, который, пугливо озираясь, приближался на верху деревьев, в сопровождении дюжины других обезьян, из которых три самки тащили на спине или под мышкой детенышей. Вдруг одна из обезьян, заметив вблизи поморанцевое дерево со зрелыми плодами, издала несколько звуков и перепрыгнула на него. За ней последовали и остальные, и все стадо занялось срыванием и поеданием сладких пло-

дов. Обыкновенно каждая садилась на ветку, обвив ее хвостом, клала померанец между ногами и старалась пальцами отделить кожицу. Если это не сразу удавалось, то обезьяна с недовольным видом и ворча колотила плодом по дереву, пока не лопалась кожица; затем, содрав последнюю, она жадно подлизывала стекающий сок, а потом съедала и мякоть. Более взрослые старались при этом отнять добычу у более слабых, и дело доходило до потасовки. Некоторые, поднимая засохшую кору дерева, искали там насекомых».

Самки заботливо ухаживают за своими детенышами, отыскивают у них насекомых, наблюдают за ними, ограждают от нападения других обезьян и пр.

Эта обезьяна очень чувствительна к холоду и сырости, и потому привезенные в более северные страны часто заболевают чахоткой, а также подвержены насморку и кашлю. Воды она не любит и плавать не умеет.

Звуки, издаваемые ею, довольно разнообразны: от скуки она издает звук, похожий на звук флейты; при требовании чего-нибудь стонет, в удивлении и смущении издает полусвистящие тоны, а в гневе несколько раз кричит грубым и глубоким голосом: «ху, ху!» в страхе или от боли она пищит, при радостном же возбуждении – хихикает. Наконец, она может даже смеяться, правда без звука, и плакать, но слезы ее только наполняют глаза, а не текут по щекам.

Взятый молодым, капуцин скоро привыкает к своему хозяину, охотно играет с ним, при свидании обнаруживает бур-

ную радость, словом, становится полудомашним животным. Бывает также, что капуцины привязываются и к домашним животным, если воспитываются вместе с ними. Так, в Парагвае их нередко воспитывают вместе со щенками, которые служат им верховыми лошадьми, — и обезьяна всегда защищает и любит своего щенка.

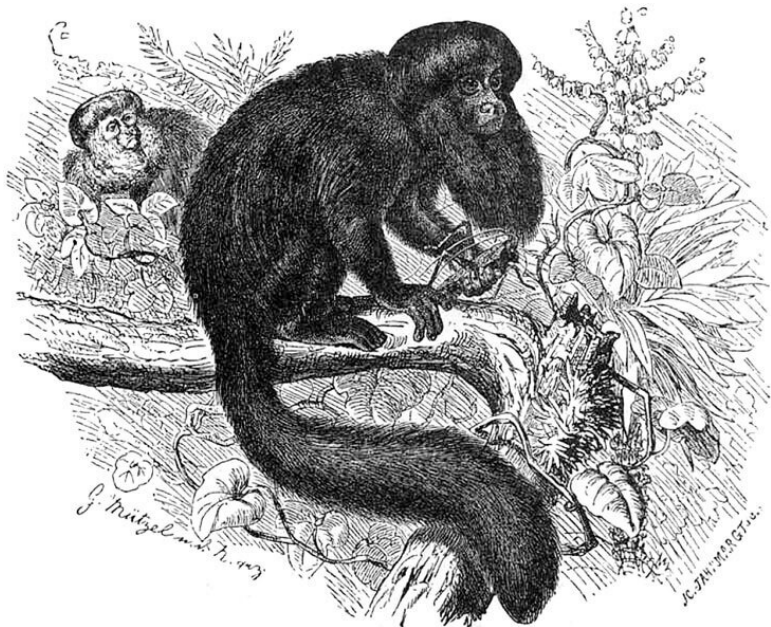
Капучин-фавн (слева), обыкновенные капуцины (справа)

Фавн, мико, или рогатая крючкохвостка, **рогатый сапажу** (*C. fatuellus*), водится в восточных областях Бразилии. Размером она с капуцина, а по словам принца Вида, с большого кота. Характерен для нее двойной хохол (в 4 ст.) черных глянцевитых волос на голове; шерсть на спине – черная, переходящая на других частях тела в бурую. По словам Гензеля, это самое быстрое и умное из всех созданий Южно-Бразильских лесов. Они живут большими стадами в 30–40 штук, которые занимаются грабежом маисовых полей. Но, воруя, эти обезьяны постоянно держатся настороже и, чуть что, сейчас обращаются в бегство. В Бразилии охотятся за фавнами из-за их мяса, которое считается у индейцев лакомым блюдом. Охотники подманивают обезьян, подражая их свисту.

Второе подсемейство обезьян Нового Света носит название **мягкохвостых** (*Pitheciidae*); сюда относятся небольшие обезьяны с мягкими, пушистыми, не цепкими, к концу утончающимися хвостами. Этот признак особенно резко выражен у **лисьехвостых обезьян**, или **саки** (*Pithecia*), неуклюжих, коренастых созданий с более или менее длинной бородой. Отличительным признаком от прочих американских обезьян служит еще устройство зубов: очень большие трехгранные клыки отделены промежутком от тесно сидящих, остроконечных и наклонных вперед резцов. Немногочисленные виды саки живут в северной части Южной Америки, в сухих и высоких лесах. По Чуди, это – ночные животные,

начинающие свою деятельность с закатом солнца, но Шомбург не соглашается с этим. По его мнению, саки – вовсе не ночные животные. «Везде, где по берегам растет густой лес, – говорит он, – я встречал целые стада милостивых сакки. Длинные волосы, разделенные пробором, пышная борода и бакенбарды, пушистый, похожий на лисий, хвост, умный взгляд – придают этим зверькам чрезвычайно приятный и вместе комичный вид... Я застрелил было самца и самку, но вскоре почти раскаялся в своем выстреле, когда услышал жалобный, за душу хватающий крик раненого самца. Этот жалобный крик похож на стон страдающего ребенка».

В больших лесах верховьев Амазонки и Ориноко водится преимущественно самый обыкновенный вид этого рода, **чертов саки** (*P. satanas*), **куксио** индейцев, величиною в 55 см и таким же хвостом. Черная шерсть его всегда тщательно расчесана. «Ни один щеголь в мире не мог бы держать своих волос в большем порядке, чем это красивое животное!» – говорит Каплер. Хотя, по уверению Гумбольдта, чертов саки дик и раздражителен, но находится в подчинении у цепкохвостых родичей, часто сгоняющих его с деревьев. Отличительный признак этого саки – густая, длинная черная борода.

Чертов (черный) саки

К близким родичам только что указанных животных нужно отнести и **короткохвостых обезьян** (*Brachyurus*), у которых короткий, как бы обрубленный хвост и негустые бакенбарды. Туловище их приземисто; пальцы конечностей вооружены узкими, длинными ногтями; толстая морда окружена отдельными пучками щетинистых волос. Водятся они также на севере Южной Америки, но образ их жизни мало известен. Мы знаем только, что они живут небольшими ста-

ями по берегам рек и во время своего странствования издают неприятные звуки. Гумбольдт первый описал обезьяну, носящую у туземцев разные названия, **какайя** и др. (*B. melanoccephalus*). Она немного больше 2 фут. в длину, из которой $1/2$ фута составляет хвост. Несколько косматая шерсть ее блестящего светло-коричневого цвета.

Наконец, последний и, пожалуй, самый оригинальный род обезьян Нового Света, семейства широконосовых, представляет **ночная обезьяна** (*Nyctipithecus*), образующая переход от собственно обезьян к точно таким же ночным и во многих отношениях сходным с ней полуобезьянам, или лемурам. У нее маленькая голова с совиными глазами, рыльце широкое, отверстия ноздрей обращены вниз, уши маленькие. Длинное тело покрыто мягкими волосами, пушистый хвост длиннее тела.

Третье семейство – **игрунковые** (*Arctopithecini*) – резко отличаются от вышеописанных обезьян узкими ногтями на всех пальцах, за исключением больших пальцев ног, где широкие, плоские ногти. Кроме того, голова у них – округленная, с плоским лицом, глаза – маленькие, но зато большие уши, короткие конечности, длинный пушистый хвост и шелковистая шерсть. Большие пальцы на передних конечностях не могут быть противопоставлены остальным, как на задних конечностях. Во рту, подобно обезьянам Старо-

го Света, 32 зуба, причем два верхних резца больше двух крайних, а нижние резцы удлинены и имеют долотообразную или цилиндрическую форму. Клыки отличаются величиной и толщиной.

Игрунковые населяют леса и кустарники Бразилии, Перу, Гвианы, доходя до Мексики, где, впрочем, встречается только 2 вида их. Местопребыванием их служат преимущественно пустынные, незаселенные еще человеком места. По образу жизни и нравам они напоминают белок; они не сидят на задних лапах, как другие обезьяны, а опускаются на все четыре или же лежат, вытянувшись на животе и свесив свой хвост. Подобно белкам же, они быстро влезают прямо вверх по стволу, но прыгать не любят и часто падают с дерева. Наконец, и пищу они подносят ко рту совершенно как белки.

Приютом их на ночь служат дупла деревьев; проводя здесь ночь, они уже рано утром начинают рыскать по лесу в поисках за пищей, проявляя при этом, подобно белкам, то же беспокойство, ту же подвижность и пугливость. Головка их ни на минуту не остается в покое; темные глазки то и дело перебегают с одного предмета на другой... Нрав их – непостоянный, вспыльчивый; понятливость – слабая. Словом, это, кажется, наименее развитые в умственном отношении обезьяны.

Пищу игрунковых составляют разные плоды, семена, листья и цветы; не брезгают они и насекомыми, пауками, а при случае нападают и на маленьких позвоночных, являясь бо-

лее плотоядными, чем другие обезьяны. Но, преследуя маленьких созданий, они часто сами становятся добычей более крупных, нежели они, животных, особенно хищных птиц, орлов и соколов. Преследует их и человек, хоть мясо их хуже мяса других обезьян, да и мех редко идет в дело. По-видимому, единственной целью охоты является приручение, которому игрушки легко поддаются.

Правда, в неволе они обнаруживают сильную боязливость и недоверие, но ласковое обращение, при известной настойчивости, скоро преодолевает их, и обезьянка скоро приучается смотреть на своего хозяина как на доброго друга. Привыкают они и к домашним животным человека. Но все-таки в неволе они хиреют и скоро мрут. Впрочем, причину их сильной смертности нельзя не видеть в несоответствии даваемой им в неволе пищи тому питанию, которого они держатся на свободе. Это – насколько растениеядное, настолько же и плотоядное животное, а его кормят в неволе только сладкими плодами. Между тем им необходимо давать и насекомых или, взамен их, мяса и яиц.

При надлежащем уходе игрушки живут в неволе по 6–8 лет и даже размножаются. В зоологическом саду Франкфурта их держат летом на открытом воздухе и только на зиму переводят в отапливаемое помещение; но в зверинцах они переносят и большие невзгоды, Рейхенбах передает, что однажды в очень суровую зиму ему прислали из зверинца одну игрушку – уистити – для приготовления чучела. «Обезьян-

ка замерзла до окоченения, но скоро ожила в тепле, причем прежде всего стала подергивать ногами, потом стала слабо дышать и через 2 часа совершенно оправилась». Этот факт доказывает, что игрушки и в этом отношении походят на грызунов.

Из видов, принадлежащих к семейству игрунковых, наиболее известны: **уистити обыкновенная** (*Napale jacchus*), **темная уистити** (*H. penicillata*) и **серебристая обезьяна** (*H. argentata*). Из них чаще всего в Европу привозят первую, которая хорошо переносит неволю и даже размножается, только родители часто загрызают своих детенышей.

Обыкновенная уистити – среднего роста, 10 дюйм. длиной, с хвостом около 1 ф., покрыта длинной мягкой шерстью, цвет которой состоит из смеси черного, белого и ржаво-черного. Темно-бурая голова украшена на ушах белыми пучками; лицо – темного телесного цвета. Темная уистити отличается от нее, кроме цвета шерсти, крупным пятном на лбу и лицом, покрытым короткими волосами – белого цвета. В неволе уистити ручнеет, но к чужим относится недоверчиво, часто выражая свое недовольство особым свистом. Однако они привыкают не только к людям, но и животным, напр. кошкам, с которыми любят спать вместе.

Реже встречается (даже и в Америке только вблизи Каметы), но гораздо красивее **серебристая обезьянка**, всего 6–8 дюйм. С 10 дюйм. хвостом. Длинная, шелковистая шерсть ее серебристо-белого

цвета, хвост матово-черный, а почти голое лицо – мясного цвета.

Совершенно отдельную группу составляют так называемые **львиные игрунки**, с голым лицом и ушами, тонким хвостом, иногда с пучком на конце, и более или менее длинной гривой, придающей этим обезьянам сходство со львом. Типичный представитель этой группы собственно **львиная игрунка** (*Napale leonina*), небольшое (в 8 д.) животное оливково-бурого цвета. Лицо, руки и ноги – черные. «Это – одно из самых красивых и изящных животных, какого только я видел, – говорит Гумбольдт. – Игрунка живого, веселого нрава, хоть, подобно почти всем маленьким животным, лукава и вспыльчива. Если ее рассердить, то у нее надувается шея, грива приподнимается и сходство этого зверька с африканским „царем пустынь“ делается очень заметно». Бэтс, со своей стороны, подтверждает живой нрав игрушки и ее ласковое обращение, а Жоффруа замечает, что эта обезьянка узнает предметы, изображенные на раскрашенных рисунках: она боится изображения кошки и пытается схватить нарисованных жуков и кузнечиков. Живых львиных игрунок очень редко можно увидеть в Европе.

От настоящих львиных обезьян выделяют **безгривых тамаринов**, у которых, кроме того, большой хвост и большие, перепончатые, голые ушные раковины. Из этой группы известен пока один **пинче** (*N. oedipus*), 7 дюйм. длиной с хвостом в 1 ф. 4 д.; шерсть – землисто-бурого цвета; лицо, черное

с веселыми светло-бурыми глазами, ярко выдается из-под белой шапки волос на голове и приобретает особенное выражение вследствие сросшихся бровей и узкой бороды, окружающей рот. Родина северо-западные страны Ю. Америки. По образу жизни пинче мало отличается от других игрунок: так же боязлива и сердита и так же трудно привязывается к известному человеку. Голос ее поразительно похож на птичий: начинается с высоких, похожих на флейту трелей «ди, ди, ди», затем, понижаясь, переходит в «дре, дере, де» и оканчивается коротким «гак, гак, гек»...

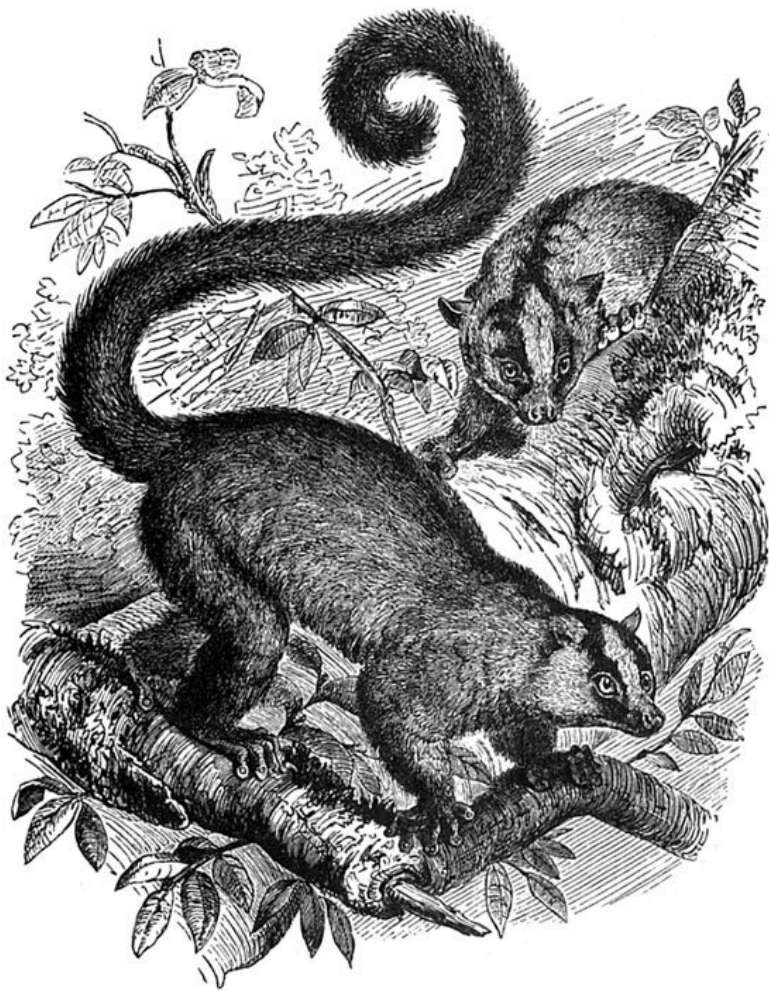
Отряд II. Полуобезьяны, или лемуры

(*Prosimii*)

Большинство прежних естествоиспытателей видели в животных, к обозрению которых мы переходим теперь, настоящих обезьян и потому соединяли их с последними в один отряд: мы же, наоборот, выделяем полуобезьян в самостоятельный отряд, так как у этих животных очень мало сходства с обезьянами и по строению тела, и по устройству зубов. Даже название четырехруких, применяемое обыкновенно к обезьянам, скорее подходит к лемурам, потому что различие между руками и ногами у них менее заметно выражено, нежели у обезьян. По нашему мнению, на лемуров нужно смотреть как на переходную ступень от обезьян к сумчатым или как на потомков каких-то неизвестных теперь животных, родственных двуутробкам; во всяком случае отнести их к обезьянам никоим образом нельзя.

Дать общую характеристику полуобезьян нелегко: и величина тела, и строение туловища и конечностей, и устройство зубов, и скелет у этих животных очень разнообразны. Величина тела колеблется между размерами большой кошки и крысы. У большинства видов туловище тонкое, у некоторых даже очень сухощавое; у иных голова своей вытянутой в длину мордой напоминает собак или лисиц, у других похожа на голову сони, летяги или даже совы.

Задние конечности большей частью заметно длиннее передних и отличаются вообще значительными размерами. Ступни у одних видов относительно коротки, у других, наоборот, отличаются длиной. Величина хвоста также бывает разнообразна: у многих лемуров он длиннее туловища, у других переходит в почти незаметный отросток; у некоторых он густо порос шерстью, у других – почти голый. Большие глаза, приспособленные к зрению в темноте, хорошо развитые ушные раковины, иногда перепончатые, иногда покрытые шерстью, и мягкий, густой, волнистый мех, лишь в виде исключения заменяемый у некоторых полуобезьян жесткими волосами, характеризуют лемуровых как сумеречных или ночных животных. Зубы у этих животных, в смысле их расположения, формы и числа, представляют большее разнообразие, нежели у обезьян. Череп отличается сильным округлением затылка, короткими, но узкими лицевыми костями и большими глазными впадинами, сближенными одна с другой, с выдающимися кругом их костями. Однако глазные впадины не представляют собой вполне законченных стенок, а соединены отверстием с височной впадиной.

Вильчатополосный лемур, или фанер

Местом жительства полуобезьян служит Африка, главным образом – Мадагаскар с соседними островами, затем – Индия и Зондские острова, где они населяют густые леса. Здесь, на деревьях, полуобезьяны и проводят свое время, сходя на землю только в случае крайности, а многие и никогда не бывают на земле. Некоторые полуобезьяны отличаются необычайной ловкостью и живостью своих движений в ветвях, у других же – движения тихие, обдуманные, осторожные. Некоторые проявляют свою деятельность иногда и днем, большинство же – только с наступлением ночи, а утром погружаются в крепкий сон.

Различного рода плоды, почки и молодые листья составляют пищу одних, насекомые, небольшие позвоночные, наряду с некоторыми растительными веществами, служат средством для питания других. В неволе как те, так и другие полуобезьяны привыкают ко всякой пище. Эти животные не приносят заметного вреда, однако от них не видно и заметной пользы. Тем не менее туземцы считают одних полуобезьян за существа священные и неприкосновенные, других же – за опасные и могущие принести вред человеку, и потому нередко препятствуют любознательным исследователям охотиться за полуобезьянами, стараясь даже отклонить их от наблюдений за этими животными. В этом обстоятельстве и нужно видеть причину, почему в зоологические сады поступают редко даже такие виды, которые живут многочис-

ленными стадами на воле. Между тем поймать полуобезьян живыми не особенно трудно, да и уход за ними очень прост. Большинство видов переносят неволю несравненно лучше обезьян и даже, при хорошем уходе, размножаются в клетках. Соответственно с духовными способностями различных видов полуобезьян, те из них, которые отличаются живостью нрава, легко привыкают к ухаживающим за ними людям, даже научаются оказывать им известные услуги; напротив, сонные и угрюмые ночные полуобезьяны только в редких случаях выказывают признательность за заботливый уход.

Полуобезьян разделяют на 3 семейства: к первому, наиболее многочисленному, принадлежат собственно **лемуры** (сем. Lemuridae), два других – сем. Tarsidae (**долгопяты**) и сем. Leptodactyla (**руконожки**) – имеют всего по 1 виду.

Лемурами римляне называли души умерших, из которых добрые охраняли семью и дом, в виде ларов, а злые, в виде блуждающих и злобных привидений, беспокоили бедных смертных. Современная же наука понимает под этим названием хотя также ночных бродяг, но вовсе не бестелесных, а животных с плотью и кровью, имеющих более или менее красивую наружность. Настоящие лемуры представляют, так сказать, ядро всего отряда, которым мы теперь занимаемся, отдельное семейство, распадающееся на несколько родов и видов. Что касается характеристики лемуров, то к этому семейству относятся все только что сообщенные нами признаки животных всего отряда, так как оба остальные семей-

ства полуобезьян существенно отличаются от собственно лемуров только по зубам, строению рук и ног, а также и по шерсти.

Главной областью обитания лемуров служит остров Мадагаскар и соседние с ним острова; кроме того, они попадают в Африке, распространяясь по всей средней полосе этой части света, от восточного до западного берега, и только немногие виды живут в Индии и на Зондских островах. Но все без исключения виды семейства лемуров живут в лесах, предпочитая непроницаемые, богатые плодами и насекомыми девственные леса остальным. Близости людей они хоть прямо и не избегают, но и не ищут. Будучи в большей или меньшей степени ночными животными, лемуры, подобно всем вообще членам своего отряда, забираются днем в самые темные места леса или в дупла деревьев и спят там, скорчившись или обнявшись. Позы их при этом в высшей степени своеобразны: они или сидят на задних лапах, крепко уцепившись руками за сук и низко опустив голову между притянутыми передними конечностями и обвив хвостом голову и плечи; или же свертываются попарно, обвив друг друга хвостами так тесно, что образуют собой шар: если потревожить такой меховой клубок, то внезапно из него высовываются две головы, которые большими, удивленными глазами смотрят на неприятных нарушителей их покоя.

Сон лемуров очень чуток. Большую часть их будит даже жужжанье мимо летящей мухи и шорох ползущего

жука: уши их тогда приподнимаются, большие глаза сонно оглядываются по сторонам, но только на одно мгновение, так как эти животные чрезвычайно боятся дневного света. Целый день их совсем не видно, и только с наступлением сумерек начинается их деятельность. Они тогда сразу оживляются, чистят и приглаживают мех, издавая при этом довольно громкие и неприятные звуки, и отправляются затем на добычу по своим воздушным охотничьим угодьям. Тогда начинается своеобразная у каждого отдельного вида лемуров жизнь.

Большинство видов издает крик, который может наполнить новичка ужасом, так как он напоминает рев опаснейших хищных зверей, напр. льва. Этот резкий рев обозначает, кажется, у лемуров, как и у некоторых других животных, начало их ночной деятельности; они обходят после этого пространства, намеченные ими для охоты или скорее для пастбища с такими подвижностью, ловкостью и проворством, которых никак нельзя было ожидать при виде их сонливости в течение дня. Тогда они, может быть, еще превосходят обезьян в искусстве лазанья, прыганья и кривлянья.

Наиболее рослые и развитые из всех лемуров – **индри** (*Lichanotus*), называемая мадагассами **бабакото**. Наиболее известный из двух, до сих пор найденных видов **индри** *Lichanotus brevicaudatus* достигает длины 2 фут. 9 1/2 д., из которых менее 1 дюйма (2,5 см) надо отнести к хвосту. Средней величины голова имеет острую морду, маленькие глаза

и такие же уши, почти совершенно спрятанные в шерсти. Все тело, передние и задние конечности, отличающиеся сильным развитием большого пальца, покрыты густым мягким мехом. Лоб, темя, горло, крестцовая область, хвост, нижняя сторона бедер, пятки и бока белого цвета; уши, затылок, плечи, предплечье и руки – черного, нижняя часть спины и голени – бурого, передняя часть задних конечностей – темно-бурого.

Соннера, познакомивший нас с бабакото, рассказывает, что представители этого вида, подобно своим сородичам, двигаются ловко и проворно, чрезвычайно быстро прыгают с дерева на дерево, во время еды сидят на задних лапах, как вехши; пищу, состоящую преимущественно из плодов, подносят ко рту руками. Голос бабакото похож на крик плачущего ребенка. Характер у него кроткий, добродушный, почему бабакото легко приручается. В южных частях Мадагаскара туземцы воспитывают этих полуобезьян и дрессируют к охоте, как собак.

«В некоторых местностях Мадагаскара, – рассказывает Поллен, – бабакото приучают к охоте за птицами. Говорят, что при этом он оказывает такие же услуги, как хорошая собака. Хоть он питается преимущественно плодами, но не пренебрегает и маленькими птичками, которых умеет очень ловко ловить, чтобы полакомиться их мозгом».

Другой род нашего семейства, более богатый видами, носит название **маки** – название звукоподражательное крику

принадлежащих сюда животных. Научное же наименование этого рода – *Lemur*. Почти от всех своих родичей маки отличаются продолговатой мордой с умеренной величины глазами, средней длины и часто мохнатыми ушами, хорошо развитыми конечностями почти одинаковой длины. Руки и ноги на верхней стороне слабо покрыты волосами; хвост имеет длину больше туловища. мех маки – мягкий, тонкий, пушистый.

Наиболее известный из маки – **вари** (*Lemur varius*), отличающийся мехом, покрытым белыми и черными пятнами. У разных экземпляров окраска довольно разнообразна, у одного преобладает черный цвет, у другого – белый. Вари – один из крупнейших маки, ростом с большую кошку. Впрочем, и другие виды мало уступают ему в этом отношении. Другой вид, **катта** (*L. catta*), отличается красотой формы и длинным хвостом, покрытым белыми и черными кольцами. Преобладающая окраска его плотного, мягкого и волнистого меха – серая, переходящая то в пепельно-серую, то в ржаво-красную. Морда, уши и брюхо беловатого цвета, оконечность морды и окружность глаз – черного. Остальные виды, часто попадающие в зоологические сады, – **монгоц** (*L. mongoz*), и **черный маки** (*L. macaco*). Последний замечателен тем, что самец окрашен в чистый черный цвет, тогда как самка – в ржаво-красный, который бывает то светлее, то темнее. Ввиду этого самку долго

принимали за отдельный вид.

Только благодаря превосходным наблюдениям Поллена мы имеем обстоятельные сведения о жизни маки на свободе. Все виды этого рода живут в лесах Мадагаскара и соседних островах. Днем они держатся в густой чаще, ночью же с громким криком быстро двигаются за добычей. Они живут стадами по 6-12 штук в девственных лесах острова, питаясь преимущественно дикими финиками, и любят странствовать из одной части леса в другую.

Их нужно наблюдать как днем, так и ночью. Едва зайдет солнце, как можно услышать их жалобный крик, который издает разом все стадо. Движения маки необыкновенно легки, ловки и быстры: кажется, они как бы летают по вершинам деревьев, делая с одной ветви на другую прыжки поразительной длины. Преследуемые собаками, маки убегают на самую верхушку деревьев и здесь устремляют свои глаза на врага, с ворчаньем и рычаньем махая хвостом. Увидев охотника, они поспешно убегают в глубину леса.

По своим духовным качествам маки не выделяются из среды своих родичей, но их характер приятен. Обыкновенно они тихи и миролюбивы; только некоторые из них отличаются дикостью и часто кусаются.

Некоторые виды часто попадают в Европу и живут в неволе долго. Примером этому может служить один вари, живший в Париже 19 лет. В большинстве случаев они скоро делаются ручными и послушными. Содержание их очень легко,

так как они быстро привыкают ко всякой пище. Пищу они обыкновенно схватывают передними конечностями и затем подносят ко рту, но иногда берут ее прямо ртом. Когда они довольны, то тихо мурлычат, а перед сном таким мурлыканьем убаюкивают себя.

Калабарский потто, или медвежий маки

Бюффон имел самца-маки, который своими быстрыми, ловкими и красивыми движениями радовал его, хоть и часто докучал своей нечистоплотностью и своими выходками. Он необыкновенно боялся холода и сырости, почему зимой держался всегда вблизи огня и, чтобы лучше согреться, становился часто на задние лапы.

Маки, живший долго в Париже, также любил огонь и всегда садился перед камином. Бедное зябкое южное животное подносило близко к огню не только свои лапы, но и морду, так что не раз обжигало себе усы. Этот маки был очень чистоплотен, имел на всем теле блестящую шерсть и заботливо остерегался испачкать свой мех. Кроме того, он отличался живостью, был подвижен и любознателен. Он все рассматривал, но при этом и бросал тотчас, рвал и ломал. Ко всем лицам, которые его ласкали, он относился дружелюбно и даже к незнакомым вскакивал на колени.

Между тем как все маки, по крайней мере, в известное время, обнаруживают большую деятельность и подвижность, лори (*Stenops*) отличаются противоположными качествами. Они являются до некоторой степени в своем отряде ленивцами, почему их и называют еще «ленивыми обезьянами».

Под этим именем разумеют маленьких, красивых полуобезьян с тонким, бесхвостым телом, большой кругловатой головой и тонкими стройными

конечностями, из которых задняя пара несколько длиннее передней. Морда острая, но короткая; очень большие глаза сближены между собой; покрытые волосами уши средней величины. На руках указательный палец значительно укорочен, четвертый удлиннен, а мизинец снабжен острым и длинным когтем.

Немногие виды этого рода населяют Индию и соседние с ней острова; но их жизнь на свободе почти еще совершенно неизвестна нам. В Южной Азии они заменяют своих подвижных сородичей (маки), однако только по строению тела, но не по характеру.

Ай-ай. Сто с лишком лет тому назад путешественник Соннера получил с западного берега Мадагаскара пару крайне странных зверьков, о существовании которых никто до того времени ничего не знал. Даже на противоположном берегу острова они были совершенно неизвестны. По крайней мере, жившие там мадагаскарцы уверяли нашего естествоиспытателя, что оба животных, которых он имел живыми, были первые, каких они видели. При виде их они громко вскрикивали, выражая свое удивление, и Соннера назвал открытое им животное по этому возгласу – ай-ай.

До новейшего времени ай-ай, привезенный в Европу Соннера, был единственным известным, и появившееся в 1782 г. описание было единственным источником сведений о жизни этого редкого животного. Затем следующее сообщение стало известным ученому миру в 1844 г. благодаря Де-Кастелю. Этому

путешественнику удалось достать молодого живого ай-ай, и он решил подарить его Парижскому ботаническому саду. К несчастью, животное умерло, не достигнув Европы; но шкура его и скелет поступили в парижский сад, и этим было доказано, что последнее животное и ай-ай Соннера принадлежали к одному и тому же виду. До начала шестидесятых годов эти два экземпляра оставались единственными известными. Только в 1862 г. Лондонское зоологическое общество получило радостное известие, что две руконожки, как между тем называли это странное существо, пойманы на Мадагаскаре и уже отправлены в Зоологический сад в Реджент-Парке. Один из этих экземпляров благополучно прибыл в Европу живым, другой по крайней мере в спирту. Несколько позднее последовало еще несколько экземпляров, из которых три были приобретены Берлинским музеем.

Только теперь зоологи могли несомненно установить родственные отношения ай-ай и отвести ему подобающее место в системе животных.

По исследованиям Оуэна и Петерса, **ай-ай**, или **руконожка** (*Chiromys madascariensis*), образует не только особый род, но и особое семейство в отряде полуобезьян.

Я мог только короткое время наблюдать руконожку, которая несколько лет жила в Лондоне. К сожалению, свободного времени у меня было так мало, что я мог посвятить животному только один вечер. Но и этот один вечер показал мне, что описание Соннера нуждается

не только в дополнении, но и в исправлении. Я хочу поэтому кратко изложить здесь мои ограниченные наблюдения и все, что я расспросил у сторожей.

Животное не имеет значительного сходства буквально ни с каким другим млекопитающим. В некотором отношении оно напоминает галаго; однако едва ли какому исследователю придет в голову соединить его с последним в одно семейство. Толстая широкая голова с большими ушами, благодаря которым первая кажется еще шире, маленькие, выпуклые, неподвижные, но горящие глаза с гораздо меньшим зрачком, чем у ночной обезьяны, морда, имеющая действительно известное сходство с клювом попугая, значительная длина тела и длинный хвост, который, как и все тело, покрыт редкими, но длинными, жесткими, почти щетинистыми волосами, и, наконец, замечательные руки, средний палец которых имеет вид засохшего, – все эти признаки, взятые вместе, придают всему ай-ай что-то настолько своеобразное, что невольно ломаешь себе голову в бесплодном старании найти этому животному родственное существо.

Для зоолога, который видит это странное существо живым перед собой, не может подлежать никакому сомнению, что он имеет дело с настоящим ночным животным. Ай-ай боится света более, чем какое другое известное мне млекопитающее. Ночную обезьяну можно, по крайней мере, разбудить, она ощупывает вокруг себя, удивленно смотрит на мир, освещенный дневным светом, с участием прислу-

шивается к жужжанию летящего мимо насекомого, даже чистится и лижется; напротив, ай-ай, если днем и удастся после большого труда разбудить, кажется, совершенно не осознает ничего. Машинально тащится он назад в свое темное место, свертывается клубком и закрывает морду густым хвостом, которым он окружает голову, как обручем. В каждом его движении, в каждом действии проявляется беспримерная вялость и безучастность. Лишь когда наступит темная ночь, спустя долгое время после сумерек, он пробуждается и выползает из своего темного логовища, видимо, все еще боясь, чтобы какой-нибудь луч света не осветил его. Свет свечки, который нисколько не пугает других ночных животных, обращает его в бегство.

Руконожка

Если наблюдения Соннера правильны, то, очевидно, ему пришлось иметь дело с особенно благодушной руконожкой. Та же, которую я видел, была вовсе не кротка; напротив, очень раздражительна и зла. Если к ней приближались, то она фыркала, как кошка; если ей протягивали руку, то она, издавая те же звуки, яростно бросалась на нее, пытаясь схватить ее обеими лапами.

Единственная пища, которую употребляют ай-ай, состоит из свежего молока с подмешанным в него вареньем и растертым яичным желтком. Маленького блюдца этого корма хвата-

тает на целый день. Во время еды ай-ай пользуется обеими руками, бросая ими жидкую пищу себе в рот. Мясной пищи он до сих пор упорно избегает; пытались ли приучить его к другой пище – не знаю.

К этим наблюдениям, написанным в 1863 г., я хочу прибавить данные, позднее (1868 г.) обнародованные Полленом, так как они существенно пополняют сведения о жизни ай-ай на свободе. «Это животное, столь замечательное в научном отношении, – говорит наш сотоварищ, – живет предпочтительно в бамбуковых лесах внутри большого острова. Питается оно сердцевиной бамбукового дерева или сахарного тростника, а также жуками и их личинками. Чтобы достать себе пищу, состоит ли она из сердцевины бамбукового или сахарного тростника или из насекомых, оно Prograys своими сильными резцами отверстие в стволе растений, запускает туда свои тонкие пальцы и вытаскивает оттуда растительные вещества или насекомых. Насколько сонливым оно кажется днем, настолько живо движется ночью. Начиная с восхода солнца, оно спит, скрывая голову между ногами и еще закутывая ее длинным хвостом. С наступлением ночи оно пробуждается от своего сонного состояния, лазает вверх и вниз по деревьям и прыгает с ловкостью мака с ветки на ветку, тщательно исследуя при этом отверстия, щели и дупла старых деревьев и стараясь найти себе добычу; но еще до начала утренней зари оно уходит в глубь леса. Его крик, громкое хрюканье, можно часто слышать в тече-

ние ночи».

Отряд III. Рукокрылые

(*Chiroptera*)

Еще до заката солнца начинается своеобразная деятельность животных, принадлежащих к одной из замечательнейших групп млекопитающих. Из всех щелей, скважин и дырок выползает мрачная, темная масса летучих мышей, которые днем боязливо прятались, как бы не смея показываться при солнечном свете, а теперь готовятся к ночному полету. Чем больше сгущаются сумерки, тем больше становится число этих созданий. С наступлением ночи все они пробуждаются и начинают свою воздушную жизнь.

Германия лежит на границе области распространения летучих мышей, и в ней водятся только мелкие, нежные, слабые виды их. На юге же дело обстоит иначе. Чем более мы приближаемся к жаркому поясу, тем больше становится число рукокрылых, тем разнообразнее оказываются их представители. Юг – родина большинства этих животных.

Уже в Италии, Греции и Испании мы замечаем значительное число летучих мышей. Там, с наступлением вечера, они выползают не сотнями, а тысячами из своих убежищ и наполняют воздух своим шумом. Из каждого дома, из всякого старого полуразвалившегося здания, из каждой расщелины скалы вылезают они, подобно большому

войску, совершающему свое выступление, и уже во время сумерек весь горизонт буквально заполняется ими. Но еще поразительнее число рукокрылых, замечаемое в жарких странах! Весьма привлекательно и поучительно провести вечер перед воротами какого-нибудь большого города на Востоке. Стаи летучих мышей, пробуждающихся вечером, буквально затемняют там воздух. Скоро теряешь им счет, так как отовсюду виднеются темные существа, прорезывающие воздух. Они живут и движутся везде: кишат между деревьями в садах, рощах и лесах, пролетают над полями на большей или меньшей высоте, проносятся над городскими улицами, дворами и даже влетают в комнаты. Сотни их приходят и заменяются новыми. Вы постоянно окружены колеблющимся роем их.

Рукокрылые обращают на себя внимание преимущественно внешним видом. Они имеют вообще сильное телосложение, короткую шею и толстую, продолговатую голову с большой ротовой щелью. По общему строению они имеют больше всего сходства с обезьянами и, подобно им, имеют два грудных сосца; но во всем остальном они значительно разнятся от обезьян. Передние конечности их превращены в органы летания и потому необыкновенно увеличены, тогда как туловище имеет самую незначительную величину. От этого они кажутся большими, в действительности же принадлежат к самым маленьким млекопитающим.

Внутренние части их тела представляют много

замечательного. Их скелет состоит из довольно тонких, но крепких костей, но последние не заключают в себе наполненных воздухом пространств, как у птиц. Строение руки также своеобразное. Плечо, предплечье и пальцы рук чрезвычайно удлинены, в особенности последние три пальца, превосходящие по длине плечевую часть руки. Благодаря этому пальцы являются настолько превосходно приспособленными к расширению натянутой между ними летательной перепонки, насколько негодными для других целей. Только большой палец, не принимающий участия в летании, имеет еще сходство с пальцами других млекопитающих: обыкновенно он состоит из двух суставов, короток и снабжен острым когтем, благодаря которому может заменять животному руку при лазании. Бедренная кость значительно короче и слабее плечевой, и все вообще кости ноги значительно слабее развиты соответствующих костей руки. Нога имеет довольно правильное строение: на ступне находятся пять пальцев с когтями. Но и она имеет свою особенность: от пятки выступает имеющаяся только у одних летучих мышей кость, шпора, которая служит для натягивания летательной перепонки между хвостом и ногой. Таким образом, строение скелета рукокрылых напоминает, с одной стороны, птиц, с другой – допотопных летучих ящериц. Из мускулов заслуживают упоминания необыкновенно сильные грудные мускулы; кроме того, еще один мускул, совершенно отсутствующий у других млекопитающих и приросший одним концом к черепу,

а другим – к руке. Назначение этого мускула – помогать расправлять крыло. Зубы имеют сходство с зубами насекомоядных; все роды зубов находятся у рукокрылых в замкнутых рядах, но число и форма их весьма разнообразны, чем и различаются роды их.

Из всех признаков рукокрылых наиболее замечательно развитие кожи, так как оно обуславливает не только форму всего тела, но и выражение лица и служит причиной того, что многие летучие мыши имеют положительно чудовищный вид. Широко раскрытая пасть также весьма способствует тому, что выражение их лица весьма своеобразно. Но что всего более придает их лицу отталкивающее и безобразное выражение (по крайней мере, по мнению большинства), так это кожные образования на ушах и на носу.

«Ни в какой другой группе животных, – говорит Блазиус, – нельзя указать на такое развитие кожной системы. Это обнаруживается в образовании ушей и носа, а также и летательной перепонки. Уши у всех видов имеют значительную величину. У некоторых видов по длине они превышают все тело, а в ширину оба уха иногда разрастаются до того, что обращаются в одну большую сплошную ушную раковину. У многих видов места, соседние с ноздрями и носовым гребнем, странным образом принимают участие в этом разрастании кожи, почему получают физиономии, не имеющие себе подобных. Но не только в развитии летательной перепонки, а и всех прочих кожных образований ушей и носа

сказываются особенности летучих мышей, по которым они резко отличаются от остальных животных и которыми, несомненно, обусловлены их движения и образ жизни».

Замечательную особенность представляет летательная перепонка рукокрылых: недавно в ней открыли очень эластичный или, скорее, сократимый слой кожи. Летательная перепонка остается постоянно жирной вследствие смазывания ее маслянистой жидкостью, выделяемой железами. Так же своеобразно строение волос у рукокрылых: под микроскопом волосы их можно отличить от волос других животных по особенным винтовым оборотам. Цель последних — лучше сохранять теплоту.

Внешние чувства у рукокрылых превосходно развиты, но не одинаково у различных родов и видов. Отдельные органы чувств отличаются крайне своеобразными придатками и оригинальными утолщениями.

Духовные способности летучих мышей вовсе не так ничтожны, как можно было бы предполагать, и не соответствуют выражению их лиц, указывающему на духовную бедность. Мозг у них большой и имеет извилины. Это уже указывает, что их способности не могут быть ничтожными. Все рукокрылые отличаются хорошей памятью, а иные — даже известной сообразительностью.

Коленати рассказывает, напр., что одна летучая мышь, охотясь в липовой аллее за бабочками, щадила самку, заме-

тив, что она привлекала многих самцов, которых рукокрылое могло ловить одного за другим. Напрасно пытались ловить летучих мышей, вздевая на уды бабочек: животные приближаются, исследуют висящее насекомое, но скоро замечают тонкий конский волос, к которому прикреплена удочка, и оставляют все нетронутым, хотя бы они и нуждались в корме. Что при хорошем обращении летучие мыши делаются ручными и преданными своему господину, это доказано наблюдениями многих ученых и любителей природы. Некоторые исследователи приучали этих животных брать пищу из рук или доставать ее из стаканов, причем рукокрылые исполняли это, раз поняв, в чем дело.

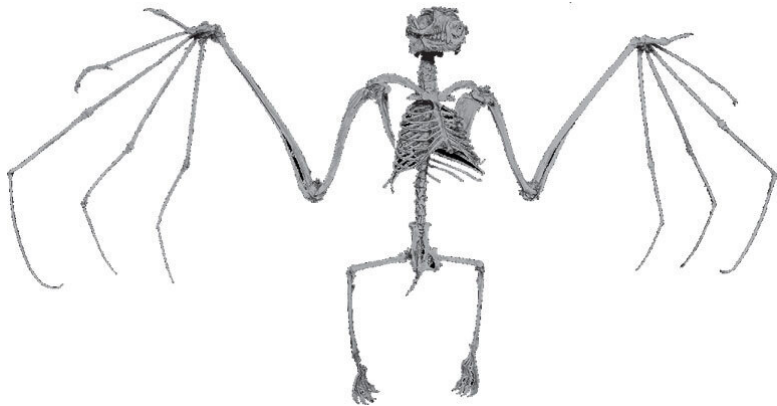
Мой брат имел ушана, которого он так приручил, что тот следовал за ним по всем комнатам и, как только он предлагал ему муху, мгновенно садился к нему на руку и поедал добычу. Большие рукокрылые в неволе очень милы, делаются чрезвычайно ручными и оказываются очень понятливыми.

Вообще полет всех рукокрылых не может долго продолжаться и бывает прерывистый. Он совершается непрерывающимся движением рук. Птица может парить, а летучая мышь только летает. Ее полет облегчается телосложением. Сильные грудные мускулы, легкая и сплюснутая нижняя часть туловища, руки, превосходящие своей длиной в три раза длину тела, натянутая между пальцами и всеми частями конечностей, лишенная перьев летательная перепонка — все это обуславливает летание, но парить в воздухе летучая

мышь не может, так как в костях у нее нет воздуха, а в теле нет имеющихся у птиц воздушных мешков, главным же образом потому, что рукокрылые не имеют перьев ни в крыльях, ни в хвосте. Их полет есть ряд непрерывных взмахов по воздуху, почему им нельзя скользить на лету или прорезывать воздух без движения крыльев.

Чтобы легче было развернуть для своего полета летательную перепонку, все рукокрылые во время отдыха прицепляются когтями задних конечностей к какому-нибудь возвышенному предмету и свешиваются головой вниз.

С земли подняться рукокрылым нелегко, но они помогают себе тем, что, расширив сначала руки и летательную перепонку и подобрав под себя ноги, несколько выпрямляют свое тело, делают один или несколько скачков вверх и затем сильными взмахами крыльев поднимаются на воздух. Если им удалось это, то они продолжают свой полет довольно быстро. Как утомительно для них летание, всего лучше видно из того, что летучие мыши часто после самого непродолжительного летания подвешиваются для отдыха к сучьям деревьев, выступам стен и т. п. и, только отдохнув немного, продолжают свой полет. Ни одна летучая мышь не в состоянии была бы летать непрерывно, подобно, напр., ласточке; вот почему большие зимние передвижения, какие предпринимают птицы, для них невозможны.

Скелет одного из видов летучей лисицы

Впрочем, передние конечности рукокрылых служат не только для летания, а и для ползания по земле. Походка у всех видов хотя и не так тиха, как можно бы было предположить заранее, но все же является жалким ковыляньем. Животные при этом притягивают под себя ноги, приподнимают при этом движении заднюю часть тела и этим толкают все тело вперед, так как кисть руки, а именно когти большого пальца у них служат только опорой передней части тела. Некоторые виды рукокрылых бегают, однако, почти так же быстро, как крысы или другие домашние грызуны.

Все рукокрылые днем спят, а ночью бодрствуют. Большинство из них показывается только при наступлении сумерек и еще задолго до восхода солнца удаляется в свои убежища. Некоторые виды, однако, появляются гораздо раньше,

а иные уже между 3 и 5 часами пополудни весело носятся в воздухе, несмотря на яркий солнечный свет.

Каждый вид имеет свои особые места для охоты: в лесах, садах, аллеях и улицах, над медленно текущими или стоячими водами и т. п., реже в открытом поле, на том простом основании, что здесь им не за кем охотиться. В более богатых странах юга они живут вблизи маисовых или рисовых полей, потому что последние скрывают массу насекомых, составляющих им хорошую добычу. Обыкновенно они облетают маленький участок шагов в 1000 в поперечнике. Более крупные виды посещают большие районы, быть может, требующие для осмотра ими около получаса времени; о крупных южных видах, так называемых **летающих собаках**, известно, что они сразу летят на протяжении многих миль, перелетая с одного острова на другой, удаленный от первого на несколько миль. Днем все рукокрылые прячутся в различных местах; в Германии по селам, в дуплистых деревьях, пустых домах, реже в расщелинах утесов и в пещерах. В тропических странах многие виды висят открыто на ветвях деревьев, если эти ветви образуют густой покров. Это же наблюдается кое-где и в Германии, но реже. Большинство же летучих мышей повсюду любит прятаться, иные под корой деревьев и в дуплах, другие — под крышами между дранью и черепицами, наконец, большая часть в пещерах скал, в отверстиях стен, под сводами обрушившихся или мало посещаемых зданий, в глубоких колодцах, штольнях, шахтах и тому

подобных местах.

Пищу летучих мышей составляют плоды, насекомые, иногда даже другие позвоночные животные и кровь, которую они высасывают из более крупных животных. Живущие в Европе рукокрылые, собственно настоящие **летучие мыши**, нападают только на насекомых, а именно: ночных бабочек, жуков, мух и комаров. Аппетит у них необычайный: крупнейшие из них свободно съедают дюжину майских жуков, более мелкие – целую тьму мух и все-таки не чувствуют себя сытыми. Чем живее их движение, тем более они нуждаются в пище и по этой причине являются для нас чрезвычайно полезными животными, заслуживающими наивозможной пощады... Этого нельзя сказать о рукокрылых, сосущих кровь, которые иногда могут быть очень вредными, а также о тех видах, которые, питаясь плодами, уничтожают целые фруктовые плантации, напр. виноградники.

С наступлением холодов все летучие мыши, живущие в умеренных странах, погружаются в более или менее глубокую зимнюю спячку. Для этого каждый вид отыскивает себе уголок, по возможности защищенный от влияния непогоды: пещеры, погреба, теплые крыши, чердаки вблизи труб и тому подобные места. Здесь рукокрылые собираются обществами, часто в несколько сотен, подвешиваясь за что-нибудь задними конечностями и сбившись плотно друг к другу, иногда разные виды попеременно, разумеется, только с теми,

с которыми они всегда находились в дружественных отношениях. Крайне редко собираются вместе виды, жившие раньше в открытой вражде. Температура их крови падает вместе с температурой внешнего воздуха, нередко до 4, даже, говорят, до 1 градуса Реомюра, тогда как в обыкновенное время температура крови у них имеет $24\frac{3}{4}^{\circ}$ по Реомюру, и, наконец, они окоченевают. Но если внешняя температура настолько низка, что их еще мало охладевшая кровь не может ее выносить, то летучие мыши пробуждаются и начинают двигаться. Нередко они замерзают, особенно если, поймав их, выставить на сильный холод. Пока холодно, окоченевшие рукокрылые висят спокойно, но в более теплые зимние дни они начинают шевелиться, и некоторые виды иногда летают среди дождя и снега. Все рукокрылые носят при себе своих детенышей, даже во время полета, и притом в течение довольно продолжительного времени, даже тогда, когда маленькие животные уже сами могут прекрасно летать и по временам покидают грудь родителей. Последнее случилось, по моим наблюдениям, с теми летучими мышами, которых я находил подвешенными на деревьях в девственных лесах Африки. Приблизительно в 5–6 недель детеныши становятся взрослыми.

Отталкивающая наружность и ночной образ жизни летучих мышей с древнейших времен давали богатую пищу суеверию и привлекали на безобидных животных до последнего времени нареkania и отвращение

толпы. Мы не будем разбирать многочисленных басен, между которыми некоторые, как, например, пристрастие летучих мышей к салу и к волосам на голове человека, и теперь находят себе веру, наоборот, подтвердим здесь самым убедительным образом о тех правах на пощаду и справедливые отношения, которые летучие мыши должны иметь в глазах каждого образованного человека. Все встречающиеся в Германии виды рукокрылых приносят исключительно пользу, истребляя благодаря своей прожорливости массу вредных насекомых. Вред от немногих видов, поедающих фрукты, не так уже значителен, а рукокрылые, сосущие кровь, вовсе не так опасны, как думали раньше. Вследствие этого можно рассматривать весь отряд как весьма полезного члена в цепи существ.

Большая летучая лисица, калонг

Первый, главный отдел образует семейство **летучих собак**, или **плодоядных летучих мышей** (Pteropina). Все рукокрылые, принадлежащие к этой группе, населяют исключительно теплые страны Старого Света, а именно: Южную Азию с ее островами, Среднюю и Южную Африку, Австра-

лию и Океанию. Вследствие их величины уже с древних времен на них смотрели как на настоящих чудовищ. Этим безобидных и добродушных животных считали отвратительными гарпиями и ужасными вампирами; среди них искали тех мрачных существ, которые садились на спящих людей и высасывали у них кровь из сердца.

Плодоядные летучие собаки имеют внешний вид почти летучих мышей, но значительно большую величину и добродушную голову, напоминающую собак или лисиц, вследствие чего их и называли **летучими собаками**, или **лисицами**. Летательная перепонка, а также строение передних конечностей и ног такие же, как и у других летучих мышей; кроме большого пальца, и указательный снабжен когтеобразным ногтем. На носу нет нароста и уши не имеют клапанов. По этим признакам они легко отличаются от остальных летучих мышей.

Летучие собаки живут всего охотнее в темных лесах и покрывают днем деревья в бесчисленном количестве, подвешиваясь рядами к сучьям и закутав крыльями голову и туловище. В дуплистых деревьях также находят их и притом иногда массами в несколько сот. В темных девственных лесах иногда они летают и днем, но настоящая жизнь для них, как и для всех рукокрылых, начинается только с наступлением сумерек. Благодаря своему острому зрению и тонкому обонянию они безошибочно находят деревья с сочными и зре-

лыми плодами; к ним они подлетают поодиночке, но скоро слетаются большими стаями и способны совершенно оголить такое дерево.

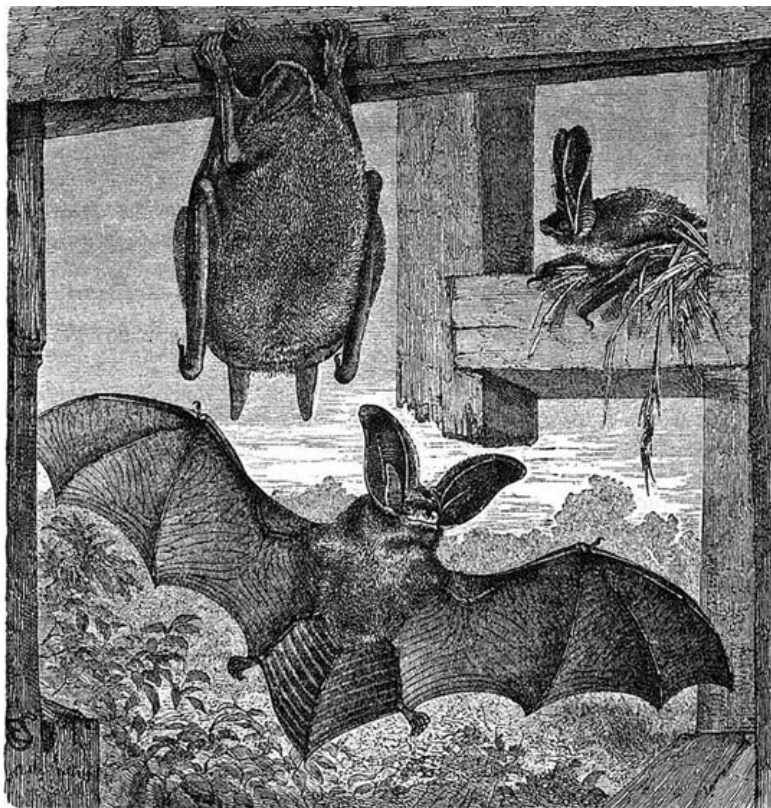
Днем они очень боязливы и при первом случае обращаются в бегство, стараясь улететь. Летают сильно и быстро, но невысоко. В неволе скоро ручнеют. Туземцы охотятся за ними из-за мяса, похожего, даже по мнению Гааке, на мясо кролика или курицы, или из-за меха.

Собственно **летучие собаки** (*Pteropus*) похожи на собак по морде, но без хвоста. Уши довольно длинные, голые и заостренные; летательная перепонка весьма развита. Наибольший из всех видов этого рода – **калонг, летающая собака** (*P. edulis*), длиной до 1 ф. 4 д.; размах крыльев до 5 фут. Окраска спины темно-бурая, на брюхе ржаво-черная, голова – рыже-красная, летательная перепонка – коричневая. Живет на Яве, Суматре, Банде и Тиморе, в лесах, увешивая днем ветви капока и дурьяна. Питается плодами, особенно смоквами и манго, не отказываясь, однако, от насекомых, а при случае – и от мелких позвоночных, напр. рыбешек. За калонгами охотятся ради их вкусного мяса, причем охотник старается целиться в крыло, как наиболее чувствительное место калонга: раненный в крыло, он уже не может летать и беспомощно падает на землю.

Очень распространенный род – **ушаны** (*Plecotus*), со сросшимися над теменем ушами, короткими и широкими

крыльями, вследствие чего они летают не так скоро, как летучие собаки; хвост такой же длины, как туловище; на ноге со шпорой нет выдающихся боковых лопастей кожи. Зубов – изобилие; целых 36.

Ушан обыкновенный (*P. auritus*) – в длину всего 3 1/2 д., из которых половина приходится на хвост; уши же – более 1 дюйма, т. е. сравнительно с размерами тела – необычайно велики. Морда – волосистая; мех довольно длинный, сверху серо-бурый, внизу – светлее; тонкая и нежная перепонка – гладкая. Суживающийся к концу и отгибающийся к наружи козелок равняется половине уха. Это животное распространено по всей Европе до 60° с. ш. и, кроме того, в Сев. Африке и Зап. Азии и Ост-Индии; живет повсюду вблизи человеческих жилищ, держась небольшими группами, даже парами. Летают медленно, не выше 7 саженей по лесным опушкам и в садах, где отыскивают себе пищу в цветущих растениях, не отказываясь и от насекомых (бабочек, клещей, пауков). Зимняя спячка ушанов продолжается с октября по март, но к холоду они не чувствительны: бывали случаи, когда ушаны покрывались в течение целых недель ледяными сосульками и тем не менее оживали. Подобно большей части летучих мышей, ушаны сильно страдают от пернатых врагов (сов и др. птиц), а также хищных млекопитающих (хорьков, куниц, кошек). Неволью выдерживают дольше других летучих мышей.

Ушан обыкновенный

Род **нетопырей** (*Vespertilio*) отличается свободными, т. е. несросшимися, кругловатыми ушами, с удлинненным козелком, сравнительно широкими и короткими крыльями, коротким хвостом и довольно простым мехом, сверху серо-

вато-бурого, снизу – беловатого цвета. Зубов 38. У одних нетопырей уши длиннее головы, снабжены 9-10 поперечными складками и выдаются, если их пригнуть, за конец мордочки.

Сюда относится, напр., **красная водяная мышь** (*Vespertilio (Brachyotus) daubentonii*), всего 3 дюйм., половину которых составляет хвост. Сверху она – красновато-бурого цвета, снизу – грязно-серого. Живет почти во всей Европе и частью в Азии. Спячка ее продолжается с октября по март; зимует в дуплах, ямах, пещерах, трещинах и полуразрушенных зданиях. Охотится за водяными насекомыми, быстро и ловко проносясь над самой поверхностью воды. Любимое ее местопребывание – большие пруды, с нависшими по берегам деревьями.

Род *Vesperugo*, **рано летающих летучих мышей**, отличается свободными, не сросшимися, закругленными, относительно короткими, мясистыми темными ушами, в которых находится широкий, внутри с выемкой, а снаружи выдающийся углом козелок; гибкие, довольно длинные, толстокожие крылья со шпорцами: хвост длиннее туловища. Зубов 32–34.

Сюда относятся: 1) **горные летучие мыши** (*Meteorus*), с 32 зуб. И козелком, сверху расширенным и концом направленным вперед, напр. **бродячая**

летучая мышь (*Vesperugo (Meteorus) nilsonii*); длина всего тела ее – 4 дюйм.; мех сверху – черно-бурый, снизу – светлее, уши – темно-бурые; концы волос везде светлее коричневого основания, что образует, по словам Блазиуса, как бы золотой отлив на темно-коричневом фоне, придавая меху своеобразный вид. По словам некоторых наблюдателей, напр. Нильсона, она распространена на севере чуть не до полярного круга; впрочем, на севере ее можно встретить только в конце лета, в начале же лета и весной она держится южнее. Встречается и на Альпийских горах.

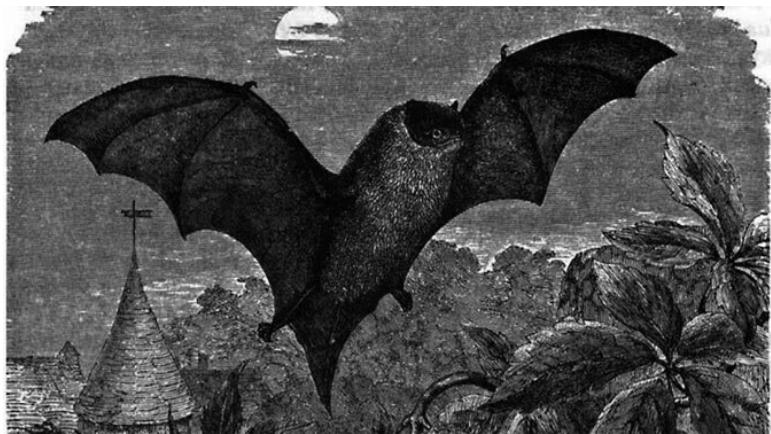
2) **Малорослые нетопыри** (*Nannugo*), сам. малые мыши из всего семейства, с 34 зубами; козенок кверху суживается, направляясь острием внутрь и в середине достигая наибольшей ширины; хвост окружен летательной перепонкой. Самый маленький представитель в этой группе – **нетопырь-карлик** (*Vesperugo (Nannugo) pipistrellus*), не более 2 дюйм., причем около половины приходится на хвост. Мех – желтовато-ржаво-бурый; уши и перепонка – темнее. Живет почти по всей Европе и большей части Сев. и Средней Азии, до 60° с. ш.; в гористых местностях поднимается до 7000 футов. Держится вблизи или в самых домах. Позже других летучих мышей начинает спячку, соединяясь громадными кучами, и раньше всех пробуждается; хорошо переносит непогоду. Полет его очень быстр и ловок, напоминая, по словам Альтума, полет дневных бабочек. Нетопыря-карлика можно до известной степени приручить; он

довольно хорошо переносит неволю, пьет молоко, ловит пущенных к нему насекомых, ест и мертвых, даже мясо, сырое и вареное. Сам же служит пищей ночных и дневных хищных птиц, а также хорьков, горностаев, куниц, ласок и даже мышей. Много истребляет этих животных и человек, не ценя их заслуг по уничтожению вредных насекомых. 3) **Кожаны** (Panugo) отличаются от предыдущих устройством козелка, расширяющегося кверху и имеющего наибольшую ширину выше середины; летательная перепонка густо покрыта волосами. **Обыкновенный кожан** (Vesperugo (Panugo) noctula) один из самых крупных европейских видов – более 4 д. в длину, причем на хвост приходится менее 2 д. Сверху и снизу – одноцветной красно-бурой окраски. Распространен в Средней и Южной Европе, Сев.-В. И Южной Азии, преимущественно в долинах и на плоскогорьях. Днем забирается в дупла и нежилые строения, зимует в чердаках, полуразрушенных зданиях и т. п. местах. Летает быстро и ловко; питается насекомыми.

Представители последнего семейства рукокрылых, **листоносы, кровососы**, или **вампиры** (Istiphora или Phyllorhina), легко отличаются от всех вышеуказанных видов особым кожистым придатком на носу, обыкновенно состоящим из так называемой подковы, длинного гребня и ланцетовидного придатка, в простейшей же форме – из складки кожи поперек носа; кроме того, морда вампира покрыта буграми и ямками, что придает этим животным отталкивающий

вид, для них же, вероятно, служит для усиления обоняния. Листоносы распространены в жарком и умеренном поясах, скрываясь в чаще лесов, в пещерах, ямах и пр. Пищу их составляют сумеречные и ночные бабочки, жуки, поденки, комары; но некоторые виды нападают на млекопитающих, даже на человека, высасывая кровь во время сна.

Всех листоносов известно в настоящее время до 85 видов, которые разделяются, по Коху, на след. 4 группы: 1) **Pseudophyllata**, с недоразвитым носовым придатком, 2) **Monophyllata**, с простым придатком, 3) **Dyphyllata**, с двойным придатком и 4) **Triphyllata**, с вполне развитым или трехраздельным носовым придатком.

Нетопыр'ь-карлик

Представителями летучих мышей с двойным носовым придатком являются **вампиры**, в тесном смысле и между ними **обыкновенный вампир**, или **упырь** (*Phyllostoma spectrum*), самый большой из всех кровососов Южной Америки. «Ничего не может быть отвратительнее, – говорит натуралист Бэтс, – выражения лица этого создания, особенно если рассматривать его спереди. Большие, кожистые, стоящие широко по сторонам головы уши; прямостоящий, в виде копья, носовой нарост; сверкающие черные глаза – все это вместе напоминает сказочных домовых. Неудивительно, что народная фантазия наделила это отталкивающее создание сверхъестественными свойствами. На самом же деле это – одна из самых неопасных летучих мышей, и безвредность ее хорошо известна жителям побережий Амазонской реки».

Вампир представляет собой большую летучую мышь, с толстой и длинной головой, узким рылом, длинными продолговато-круглыми ушами и маленькою, узкой, ланцетовидной носовой пластинкой, расположенной на широком стебле. Верхняя губа гладкая, а на нижней находятся спереди две большие голые бородавки. мех вампира мягкий, цвета вверху темно-каштаново-коричневого, а снизу желтовато-серо-коричневого. Летательная перепонка коричневого цвета. Тело вампира в длину имеет 5 1/2 дюймов, а крылья в ширину 15. Родиной этого вампира является главным образом Гвиана, в девственных лесах которой они водятся

в большом количестве. Как мы уже раньше сказали, питаются вампиры главным образом фруктами и насекомыми. Лишь в случае нужды нападают они на спящих людей или животных и высасывают у них кровь. В большинстве случаев потеря крови при этом бывает незначительная, так что серьезной опасности вампиры не могут подвергнуть ни людей, ни животных. Но все же факт высасывания крови уже сам по себе настолько отвратителен, что подвергавшиеся ему не могут после вспомнить о нем без чувства некоторого ужаса.

Голодные вампиры, летая ночью над спящими равнинами, зорко высматривают себе добычу. Вот они заметили группу спящих на открытом воздухе людей. Медленно махая крыльями, кровопийцы летают над своими жертвами. Удостоверившись в крепости их сна, они опускаются на спящих, прокусывают в одном месте кожу и начинают сосать теплую кровь.

Любопытен рассказ Касселя об одном путешественнике, который позволил вампиру сосать себя, чтобы ознакомиться подробнее с самым актом сосания крови вампиром:

«Он лег спать в большой комнате одного дома при открытых окнах. Среди ночи в комнату влетел огромный вампир. Путешественник еще не спал, но остался совершенно неподвижен и ждал, что будет делать летучая мышь. Сначала последняя тихо облетела всю комнату. Сделав это несколько раз, она стала виться взад и вперед между потолком и спящим. Мало-помалу она опускалась все ниже и ниже, нако-

нец совсем опустилась на него, быстро махая крыльями. Таким маханием она приятно обвевала свою жертву. По словам рассказчика, путешественник и сам не заметил, как отвратительное животное впилося ему в открытую грудь. Все это произошло без малейшей боли и сопровождалось приятным обмахиванием крыльев. Наконец, по прошествии некоторого времени, он стал ощущать боль, не вытерпел и своими руками задушил вампира».

Натуралист Уатертон рассказывает про другой случай с вампиром. Раз он остановился на ночлег, вместе со своим спутником Тарботом, под соломенным навесом. Вдруг утром на другой день он услышал, что его товарищ, вместо утренней молитвы, осыпает кого-то всевозможными проклятиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.